

Приключения Карандаша и Самоделкина

Валентин Юрьевич Постников

ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой можно съесть нарисованную конфетку и летать на свежем огурчике

В одном большом городе, на очень красивой улице, которая называлась улицей Весёлых Колокольчиков, стоял большой-большой магазин игрушек.

Однажды в магазине кто-то чихнул!

В этом нет ничего удивительного, если чихнул продавец, который показывал ребятам игрушки. Если чихнул какой-нибудь маленький покупатель – в этом тоже нет ничего удивительного. Только и продавец и маленький покупатель тут ни при чём. Я знаю, кто чихнул в магазине игрушек! Мне сначала никто не поверит, но я всё-таки скажу.

Чихнула коробка! Да, да! Коробка для цветных карандашей. Она лежала на складе игрушек среди больших и маленьких коробок и коробочек. На ней были напечатаны яркие буквы:

ЦВЕТНЫЕ КАРАНДАШИ «МАЛЕНЬКИЙ ВОЛШЕБНИК».

Но это ещё не все. Рядом лежала другая коробка. Эта коробка называлась:

МЕХАНИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТОР «МАСТЕР САМОДЕЛКИН».

И вот, когда первая коробка чихнула, другая сказала:

– Будь здоров!

Потом нарядная крышка на первой коробке приподнялась немного, упала в сторону, и под ней оказался маленький один-единственный карандаш. Но какой карандаш! Не простой карандаш, не цветной карандаш, а самый необыкновенный, удивительный карандаш!

Посмотри на него, пожалуйста. Правда, смешной?

Карандаш подошёл к механическому «конструктору», постучал в деревянную крышку и спросил:

– Кто там?

– Это я! Мастер Самоделкин! – послышался ответ. – Помоги мне, пожалуйста, выбраться. Никак не могу!.. – И в коробке что-то как будто загремело и зазвенело.

Тогда Карандаш потянул к себе крышку, отодвинул её и заглянул через край коробки. Среди разных блестящих винтиков и гаек, металлических пластинок, шестерёнок, пружинок и колёсиков сидел странный железный человечек. Он выскочил из коробки, как пружинка, закачался на тонких смешных ножках, которые были сделаны из пружинок, и стал разглядывать Карандаша.

– Ты кто? – спросил он удивлённо.

– Я?.. Я волшебный художник! Меня зовут Карандаш. Я умею рисовать живые картинки.

– А что это значит – живые картинки?

– Ну, если хочешь, я нарисую птичку. Она сразу оживёт и улетит. А ещё могу нарисовать конфету. Её можно будет съесть...

– Неправда! – воскликнул Самоделкин. – Так не бывает! – И засмеялся. – Не бывает!

– Волшебники никогда не врут, – обиделся Карандаш.

– А ну-ка, нарисуй самолёт! Посмотрим, какой ты волшебник, если ты правду говоришь.

– Самолёт! Я не знаю, что такое самолёт, – признался Карандаш. – Лучше я нарисую морковку. Хочешь?

– Не надо мне морковки! Неужели ты никогда не видел самолётов? Просто смешно!

Карандаш опять немножко обиделся.

– Пожалуйста, не смейся. Если ты все видел, расскажи мне про самолёт. Какой он бывает, на что самолёт похож? А я его нарисую. В моей коробке лежит альбом с картинками для раскрашивания. Там напечатаны домики, птички, морковки, огурцы, конфеты, лошадки, цыплята, куры, кошки, собаки. Больше там ничего нет! Никаких самолётов!

Самоделкин подпрыгнул и зазвенел своими пружинками:

– Ой, какие неинтересные картинки в твоей книжке! Ладно! Я покажу тебе самолёт. Он похож на большой-большой длинный огурчик с крылышками. Я сделаю модель самолёта из «конструктора».

Самоделкин тут же прыгнул в коробку.

Он гремел металлическими пластинками, он искал нужные винтики, шестерёнки, он закручивал их куда надо, ловко работал отвёрткой, стучал мо-лотком – тук-тук-тук! – и всё время напевал такую песенку:

Я все умею делать сам,
И я не верю чудесам!
Сам! Сам! Сам!

А Карандаш вынул из кармана цветные карандаши, подумал-подумал и нарисовал огурчик. Свежий, зелёный, в пупырышках. Потом подрисовал к нему крылышки.

– Эй, Самоделкин! – позвал Карандаш. – Иди сюда! Я нарисовал самолёт.

– Одну минуточку, – отозвался мастер. – Мне только пропеллер приделать – и самолёт будет готов. Берём винтик, надеваем пропеллер... Стук-нем раз, два... Ну, вот и всё! Гляди, какие бывают самолёты!

Самоделкин выпрыгнул из коробки, а в руках у него был самолёт. Совсем как настоящий! Про этот самолёт я ничего не буду рассказывать. Потому что все ребята видели самолёты. Один Карандаш никогда не видел. Он сказал:

– Ой, как ты хорошо нарисовал!

– Ну что ты, – улыбнулся мастер. – Я не умею рисовать. Я самолёт из «конструктора»

сделал.

И тут Самоделкин увидел огурчик, свежий зелёный огурчик.

– Где ты взял огурец? – удивился он.

– Это... это мой самолёт...

Мастер Самоделкин задрожал всеми своими пружинками, зазвенел, засмеялся громко-громко.

Вот какой насмешник Самоделкин! Он хохочет и хохочет, будто кто его щекочет, и никак не может остановиться.

Карандаш очень обиделся. Он тут же нарисовал на стенке тучку. Из тучки пошёл настоящий дождик. Он промочил Самоделкина с ног до головы, и тот перестал смеяться.

– Бррр... – сказал он. – Откуда взялся этот противный дождик? Я м-могу заррржаветь!

– А почему ты смеёшься? – крикнул Карандаш. – Ты сам говорил про огурчик!

– Ой, не могу! Ой, не смей меня, а то я развинчусь... Ну и самолёт! Зачем ты воткнул в огурец куриные пёрышки! Ха-ха-ха! Такой самолёт никуда не полетит!

– А вот и полетит! Крылья полетят, и самолёт полетит.

– Ну где на твоём самолёте мотор? Где руль? Без руля и мотора самолёты не летают!

– Садись-ка на мой самолёт! Я тебе покажу, летают или не летают, – сказал Карандаш и сел верхом на огурчик.

Самоделкин от хохота прямо-таки упал на огурчик.

В эту минуту в открытую форточку подул ветер, неожиданно крылья захлопали, огурчик вздрогнул и взлетел, как настоящий самолёт.

– Ай! – вскрикнули вместе Карандаш и Самоделкин.

«Трах! Бум!...»

Это свежий огурчик, настоящий зелёный огурчик, вылетел в окно и шлёпнулся на землю.

В самом деле. У самолёта не было никакого руля. А разве можно летать без руля? Нет, конечно. Вот самолёт и разбился. Крылышки отлетели в сторону. Их подхватил ветер и унёс на крышу дома.

ГЛАВА ВТОРАЯ, про двух лошадок

Самоделкин загремел как пустая железная банка. Но ему не было больно. Ведь он железный! Он только немножко испугался. Ему никогда не приходилось летать.

– Ты настоящий волшебник! – воскликнул Самоделкин. – Даже я не могу делать живые картинки!

– Как же мы теперь вернёмся в наши коробки? – вздохнул Карандаш, потирая шишку на лбу.

– И не надо! – замахал руками Самоделкин. – Там тесно! Темно! Я хочу бегать, прыгать, кататься, летать! Нарисуй новый самолёт! Мы будем путешествовать! Мы с тобой увидим настоящие самолёты! Все на свете увидим!

Но Карандашу почему-то больше не хотелось летать.

– Лучше я нарисую лошадок.

И Карандаш на белой стене дома нарисовал двух очень хороших лошадок. На них были мягкие седла и красивые уздечки с яркими золотыми звёздочками.

Нарисованные лошадки сначала помахали хвостиками, потом весело заржали и как ни в чём не бывало отошли от стенки.

Самоделкин открыл рот и сел на землю. Так делают, когда чему-нибудь очень-очень удивляются.

– Ты великий волшебник! – воскликнул Самоделкин. – У меня ни за что так не получится!

– Нам пора ехать, – скромно сказал Карандаш, довольный похвалой. – Выбери себе лошадку и садись, – предложил он.

Самоделкину больше понравилась белая лошадка.

Художнику досталась рыжая.

Они сели на своих лошадок и поехали путешествовать.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой лошадки скачут по городу

На самой красивой площади города, на Ясной площади, стоял Милиционер. Мимо него спешили-ехали автомобили. Большие автобусы, длинные троллейбусы, маленькие легковые машины. Юркие мотоциклы нетерпеливо тархтели, стараясь обогнать всех и убежать вперёд.

И вдруг Милиционер сказал:

– Не может быть!

По улице, по широкой городской улице, полной больших и малых машин, скакали две симпатичные лошадки. Одна была рыжая с белыми пятнами, другая – белая с рыжими пятнами. На лошадках верхом сидели неизвестные маленькие граждане, глазели по сторонам и громко пели весёлую песенку:

Ой, как сяду на лошадку,
Дам лошадке шоколадку.
Ты вези меня, лошадка,
Мне пешком ходить не сладко!

Ну, конечно, это были Карандаш и Самоделкин.

Они смотрели то вправо, то влево, и лошадки поворачивали то вправо, то влево, то бежали, то вдруг останавливались перед самым носом автомобиля.

На улице было так много интересного, необыкновенного! Дома, светофоры, машины, фонтаны, деревья, голуби, цветы, нарядные прохожие, вывески, фонари – на все надо хорошенько поглядеть!

Налево едет удивительная машина с большими круглыми щётками. Она подметает улицу, глотает бумажки, пыль на мостовой. Машина-веник!

Направо стоит автомобиль, из которого прямо на глазах растёт высокая мачта. На самой верхушке мачты стоят люди в комбинезонах. Люди поднимаются к небу, тянут над улицей тонкие провода.

– Монтёры! – сказал Самоделкин Карандашу.

Милиционер поднёс к губам свисток и засвистел громко-громко. Все водители машин, все шофёры вздрогнули от неожиданности и посмотрели на Милиционера. Только Самоделкин и Карандаш даже не оглянулись. Они просто не знали, для чего свистят милиционеры.

Ты вези меня, лошадка,
Мне пешком ходить не сладко!

– горланил Самоделкин, покачиваясь на седле. Карандаш подпевал тоненьким голоском:

Нам пешком ходить не сладко!

«Безобразие! – подумал Милиционер. – Нарушение правил! Мешают! Лезут под колёса!..»

Рядом с Милиционером стоял большой красный мотоцикл. Милиционер включил мотор и выехал на середину Ореховой улицы. Над улицей загорелся красный огонёк светофора.

Замер поток автомобилей. Застыли на месте автобусы, троллейбусы, грузовики, легковые машины, мотоциклы, велосипеды.

Всё остановилось. Только Самоделкин и Карандаш спокойно ехали дальше. Им никто никогда не рассказывал про светофор.

– Прошу остановиться! – сурово сказал Милиционер.

– Ой!.. – прошептал Карандаш. – Кажется, нам сейчас попадёт...

Около Милиционера и двух нарушителей моментально собралась небольшая толпа.

– Это, наверное, артисты из цирка! – заметил какой-то мальчуган.

– В чём дело, ребята! Почему нарушаете! Где вы живёте?

– Мы?.. Мы жили в коробке... – испуганно ответил Самоделкин.

– Это что же, деревня так называется – Коробка?

– Нет, мы из настоящей коробки...

– Ничего не понимаю! – Милиционер достал носовой платок и вытер лоб. – Вот что, ребята, мне шутить с вами некогда. Соблюдайте, пожалуйста, правила движения.

«Что такое правила?» – хотел спросить любопытный Карандаш, но Самоделкин вовремя дёрнул его за рукав. Разве можно задавать Милиционеру такие вопросы?

Над улицей вспыхнул зелёный огонёк светофора. Побежали машины, авто-бусы, троллейбусы, грузовики, мотоциклы, велосипеды. Покатались-поехали!

– Это все лошадки виноваты, – сказал тогда мастер Самоделкин. – По городу надо ездить в автомобиле.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ, в ней катаются на мягких подушках

– Давай нарисуем автомобиль, предложил Карандаш.

– Думаешь, так легко рисовать автомобили? У тебя ничего не получится. Даже я могу делать автомобиль только из очень хорошего «конструктора». Можно смастерить обыкновенный самокат, но где мы найдём колеса?..

– Почему не получится? – перебил Карандаш. – Я же видел автомобили!

– Ну хорошо, рисуй автомобиль, – согласился мастер Самоделкин. – Только не забудь на колёсах нарисовать шины. Без них автомобиль всегда очень трясётся на дороге. Я терпеть не могу тряски. Я сразу тогда развинчиваюсь. А шины – вроде подушек, на них ехать мягко.

– Ничего! – сказал Карандаш, занятый работой. – Не волнуйся! Будет мягко!

Пока маленький художник рисовал автомобиль прямо на белой стене дома, Самоделкин отвёл нарисованных лошадок в соседний сквер, на зелёный га-зон, и привязал их к невысокой чугунной ограде.

Самоделкин вернулся и поглядел на рисунок. Он хотел дать Карандашу какой-нибудь совет. Но тут Карандаш кончил рисовать.

«Хлоп!»

Рядом стоял готовый настоящий автомобиль.

– Ты что натворил?! – закричал Самоделкин. – Зачем ты нарисовал на колёсах подушки?

В самом деле, на колёса новой машины были привязаны подушки! Самые настоящие подушки! В розовых наволочках с белыми тесёмками. Карандаш очень хорошо их нарисовал.

– Ты сам сказал про подушки, – заметил Карандаш.

– Я не говорил про подушки!

– Нет, говорил! Говорил!

– Все ты пугаешь! Теперь твоя машина ехать не сможет!

– Сможет! – обиделся Карандаш.

– Не сможет и не поедет! Я лучше знаю!

– А вот поедет!

– Ни за что не поедет!

– А ты попробуй сядь!

– Возьму и сяду! И никуда не поедет!

Самоделкин сел в машину рядом с Карандашом. Автомобиль загудел и поехал.

– Едет! Едет! – закричал Карандаш.

Удивлённый Самоделкин двумя руками крепко держал руль. Он очень боялся выскочить из машины. Ему некогда было смотреть по сторонам. И всё-таки он заметил, как прохожие оглядываются и показывают на них пальцами.

– Какая смешная машина, – говорили прохожие. – На подушках!

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой путешествие продолжается

Наши маленькие путешественники недолго смогли кататься по городу.

Вот послушайте, что было дальше.

На улице Карандаш увидел странный автомобиль, похожий на здоровенный барабан. Он медленно катился по мостовой. Но мостовая под ним почему-то была чёрной-чёрной, гладкой-гладкой, не такой, как везде. От мостовой шёл горячий пахучий дымок. Все другие машины старались объехать странный автомобиль и чёрную мостовую за ним.

А Самоделкин, заметив необыкновенную машину, обрадовался:

– Мы её сейчас обгоним! А то все нас обгоняют, а мы с тобой никого перегнать не можем...

И он ловко направил свой автомобиль на чёрную мостовую.

«Тррр!»

Мягкие розовые наволочки прилипли к горячему асфальту и разорвались.

Пух полетел из-под колёс. Ветер подхватил его, развеял и понёс по городу над машинами, домами, деревьями.

– Ну вот, – сказал один прохожий старичок, – тополиный пух летит. Хорошее нынче будет лето.

А машина Карандаша и Самоделкина рванулась и поехала дальше, оставив на мостовой мягкие розовые тряпочки.

Улица кончилась. Перед ними лежала широкая площадь. Она была покрыта не асфальтом, а каменной брусчаткой.

Колеса маленькой машины страшно загремели. Она стала подпрыгивать, подсакивать и вбок, и назад, и вперёд.

Самоделкин ударился носом о руль. Карандаш подскочил на мягком сиденье как мячик.

– Я каки-кака-скррынь-чунь-чусь, – пробормотал Самоделкин.

Он хотел сказать: «Я скоро, кажется, развинчусь». Но его так трясло, что бедный шофёр не мог выговорить ни слова.

– М-меки-беки-мяу, – проговорил Карандаш.

Это он хотел сказать: «Меня так трясёт. Я даже не понимаю, что ты говоришь!»

– Блякли-мякли-блюкли, – ответил Самоделкин.

Он хотел сказать: «Надо поскорей остановиться. Тогда придумаем настоящие резиновые шины».

ГЛАВА ШЕСТАЯ, про Веню Кашкина и нарисованных разбойников

А в это время на площади появились несколько очень воинственных мальчишек. Они бежали куда-то, они кричали, они размахивали настоящими деревянными саблями, настоящими игрушечными пистолетами. Можно было подумать, что на город напали какие-нибудь лихие разбойники.

– Ура! – шумели мальчишки. – Ура! Бей!.. Бах! Бух! Трах!

Наши маленькие путешественники даже испугались. Они хотели свернуть куда-нибудь, но машина летела прямо на ребят.

Навстречу бежал взъерошенный белобрысый мальчик. На глазах у него была чёрная разбойничья маска. Настоящая маска из чёрной бумаги. Такие маски можно иногда увидеть в кино или на весёлом карнавале.

– За мной! – кричал мальчик. – По коням! – хотя никаких коней у него не было. Видно, этот мальчик любил командовать.

Маска на его лице от быстрого бега съехала набок. Она мешала смотреть, закрывала глаза. Наверное, поэтому белобрысый наскочил на машину Самоделкина и кубарем полетел на мостовую.

Машина скрипнула, развалилась на части, колеса покатались в разные стороны.

Авария! – сказал мальчик, сидя на мостовой,

Ребята остановились, громко дыша.

– Сломали такой замечательный, такой хороший автомобиль! – сердито сказал Самоделкин. Он теперь мог все говорить правильно. Его больше не трясло.

– Мы не ломали, – ответили мальчишки. – Наш атаман Веня Кашкин случайно упал на машину.

– «Не ломали...», – передразнил Самоделкин. – А зачем вы так страшно махали палками, и бежали на нас, и кричали? Значит, нарочно хотели сломать машину!

– Это не палки! – вдруг обиделись мальчишки. – Это сабли. Настоящие сабли. Мы играем в разбойников и шпионов. А Венька у нас атаман...

Карандаш, как только услышал незнакомые слова, насторожился. Он даже про сломанную машину забыл, этот любопытный художник.

– Вы сказали – разбойники и шпионы? – спросил он.

– Ну да! У нас во дворе все ребята играют в разбойников и шпионов.

– А что такое разбойник и шпион? – спросил наивный Карандаш.

– Тю!.. – свистнул Веня Кашкин. – Таких пустяков не знает! Книжки надо читать...

– Нарисуйте мне, пожалуйста, разбойников и шпионов, а я на них погляжу, – попросил маленький художник. Он почему-то был уверен, что все на свете должны уметь рисовать. – Это, наверное, очень интересно, – говорил Карандаш, – а я ничего про них не знаю. Автомобили я уже видел, а разбойников и шпионов ещё не встречал. Мне все надо знать. Нарисуйте, пожалуйста!

– Ну да, стану я рисовать! Мне и так некогда, – пробурчал Веня Кашкин.

Ребята сказали:

– Нарисуй, Венька! Нарисуй морского разбойника и шпиона.

– Возьмите у меня, пожалуйста, кисточку и краски, – предложил Карандаш и достал из кармана коробочку с красками, листок белой, чистой бумаги, мягкую резиновую стиралку.

– Ну, если все просят, – согласился Веня, – так и быть, рисую.

Он взял краски, снял маску и начал рисовать.

Сначала на белой бумаге появилась большая чёрная клякса, похожая на щетинистую, злую собаку. Это с кисточки нечаянно капнула краска. Потом белобрысый мальчик нарисовал невероятные, страшные картинки!

Свирепый человек с большой рыжей бородой, в морской полосатой тельняшке, в морской куртке держал в руке чёрный разбойничий флаг, на котором был нарисован белый

череп с двумя косточками. За поясом у человека торчал огромный кривой нож и два старинных разбойничьих пистолета. Рядом стоял другой человек, закутанный в серый плащ с поднятым воротником, в чёрной маске, с длинным противным носом.

Бородатый морской разбойник махал черным флагом, другой, который, конечно, был шпионом, зловеще поглядывал на всех через дырки в чёрной маске.

– Вот это – разбойник, морской разбойник, или, по-научному, пират. А вот это – шпион, – пояснил Веня.

– Здорово! – похвалили мальчишки. – Совсем как настоящие!

– Ужасно!.. – прошептал Самоделкин.

– Ой, как страшно! – сказал Карандаш, вздрагивая. – Такие жуткие картинки я никогда не буду рисовать.

– Ха! – сказал Веня. – Просто ты не умеешь рисовать, как я!

– Это я не умею?! – обиделся Карандаш. (Художники ужасно обидчивый народ.)

– Это Карандаш не умеет?! – звякнул своими пружинками Самоделкин.

Вы, конечно, сами понимаете, что маленький художник в ту же минуту начал рисовать. Пускай Веня Кашкин видит, как рисуют настоящие художники!

– Э, – сказал Веня, посмотрев на рисунок. – Это мы знаем! Точка, точка, два крючочка, носик, ротик...

– Никакие не два крючочка, я рисую мальчика, – возразил Карандаш.

– Пошли, ребята, некогда нам с ними разговаривать! За мной! – сердито скомандовал Веня.

И мальчишки побежали за ним, размахивая саблями. Правда, на мостовой остался маленький мальчик.

Вы спрашиваете, какой мальчик? Ну, конечно, тот самый, которого нарисовал Карандаш, волшебный художник.

Ай-яй-яй, Карандаш! Ну разве можно так легкомысленно поступать?! Нарисовал настоящего мальчика! А что потом? Кто будет воспитывать ребёнка? Присматривать за ним, кормить, одевать? Ай-яй!..

Мальчик сидел и хлопал глазами.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ – о том, как построили дом

– Как тебя зовут? – спросил Карандаш нарисованного малыша.

Мальчик не ответил.

– Как твоя фамилия?

Мальчик не ответил. Он поднял руку и провёл пальчиком по губам. Вот, примерно, так – сверху вниз. У него получился очень смешной звук, вроде «пррруть». Мальчику понравилось. Он опять провёл по губам: «Пррруть! Пруть! Пррутя!»

– Ты кто? – Самоделкин потрогал мальчика.

«Пррруть! Пруть! Пррутя!» – играл мальчик.

– Он Прутя! – воскликнул Карандаш. – Разве ты не слышишь? Он говорит: «Я – Прутя».

– В самом деле Прутя, – обрадовался Самоделкин. – Прутя! Прутик! Это очень хорошо!.. Прутик, давай с нами путешествовать?

Маленький Прутик, наверное, не знал, что такое путешествовать, а то бы он, конечно, согласился. Мальчик ничего не ответил Самоделкину, зато вдруг потянулся к нему и схватил за ногу. Самоделкин чуть не упал.

– Ай, пожалуйста, не шали! – рассердился он.

Мальчик опять затренькал: «Пррруть! Пруть! Пррутя!..»

– Он даже говорить не умеет! Ну что мы с ним будем делать? – воскликнул железный

человечек.

И вдруг на макушку Самоделкина звонко упала капля. Обыкновенная дождевая капля.

– Бррр, – фыркнул Самоделкин. – Дождик начинается!

Тёмная тучка нашла на город. Прохожие, с опаской поглядывая на тучку, поднимали воротники, спешили кто куда: в подъезды, в магазины, в троллейбусы. Только Милиционер никуда не бежал. Он спокойно стоял на самой середине площади: милиционеры не боятся дождика.

– Дождик! Дождик! – весело кричали мальчишки. – Дождик! До-ож-дик!..

Загремел гром, и хлынул дождик. Не очень сильный, тёплый, но всё-таки мокрый.

– Мальчик может заболеть! Промокнуть! Простудиться! – закричал Самоделкин.

Карандаш и Самоделкин схватили Прутю за руки, добежали до бульвара и спрятались в кустах.

Капли дождя стучали в широкие зелёные листья, как в раскрытые зонтики. Вода стекала по ним, но в середину куста не попадала. Там было сухо. Зато на бульваре капли в одну минуту исколотили все дорожки, пустые скамейки, пушистые клумбы.

«Динь! Кап-кап-кап! Динь! Кап-кап-кап!»

Дождик прибил к земле пушинки, летавшие над городом, и они лежали в лужицах, как тающий ледок.

Но тучка пошевелила мохнатым краем и уплыла, куда ей нужно было. Солнце искоса поглядело на дождик, и он сразу перестал капать.

Самоделкин выглянул из кустов.

– Прошёл этот противный дождь или не прошёл?

– Прошёл, прошёл! Вылезай!

– А вдруг он опять пойдёт?

– Не пойдёт.

– Ужасно боюсь дождика! Нарисуй, пожалуйста, какой-нибудь маленький дом с настоящей крышей. Ой!.. – вскрикнул Самоделкин, а Карандаш рассмеялся.

Большая светлая капля висела, висела на ветке да и шлёпнулась прямо в нос неосторожному Самоделкину.

Он тут же спрятался:

– Не вылезу, пока дом не будет готов!

Карандаш нарисовал дом на жёлтом песке, насыпанном под кустами.

Ну да, нарисовал, а не построил. Ничего удивительного тут нет: каждый дом сначала рисуют – правда, на бумаге, а потом строят.

– Готово! – сказал Карандаш, нарисовав последнюю черепицу на крыше дома.

Самоделкин выскочил из укрытия.

Всё было, как в сказке! Перед ним стоял новый дом с высокой крышей.

– Замечательно! – похвалил Самоделкин. – Только зачем ты нарисовал колодец? Надо рисовать водопровод...

В самом деле, около дома был настоящий колодец. Над ним висело ведро для воды. Карандаш не умел рисовать водопровод, но зато колодец получился очень хороший.

– Я не знаю, что такое водопровод, – вздохнул Карандаш. – Я ещё так мало в жизни рисовал...

– Ну, ничего, – утешит Самоделкин, – я тебя потом научу. Нам сначала надо Прутика высушить. Он весь промок... Ой, а где же Прутя? Прутик, ну-ка иди сюда!

Самоделкин раздвинул ветки, пошарил под кустами, но Прутика нигде не было. Прутик убежал!

– Ну вот, я так и знал! Тебе нельзя доверять мальчика, – заволновался Карандаш. – Надо найти Прутика. Он может попасть под машину! Он такой маленький!..

ГЛАВА ВОСЬМАЯ, а которой плавают кораблики

Вы когда-нибудь замечали, каким чудесным становится город после дождя? По улицам бегут звонкие потоки воды, по которой так хорошо, так радостно шлёпать босыми пятками! Все вокруг переливается в брызгах. Машины весело бьют колёсами по лужам. А солнечные зайчики пляшут по всему городу. Мальчишки бегут с водой наперегонки. Дождик прошёл! Дождик!..

Прутик бегал вместе с мальчишками. Он смеялся. Он колотил ножками по воде, он бежал за своей новой сандалякой, которая плыла, как самодельный кораблик, покачиваясь на волнах.

И по всем улицам плыли кораблики. Бумажные, деревянные, парусные, заводные, даже простые щепочки с тонкими мачтами. Сотни корабликов, пущенных мальчишками в дальнее плавание!

– Кораблики! Кораблики! – кричали мальчишки.

– Кораблики! – вдруг пискнул маленький Прутя.

Не знаю, как у вас, а в этом городе всегда после дождя по улицам плавают кораблики. Но сегодня их было особенно много.

– Почему сегодня так много корабликов? – говорили между собой прохожие.

– Неужели вы не знаете? В нашем городе завтра будут большие состязания корабликов.

– Скажите, пожалуйста, где?

– На Большом Лебедином пруду в зоопарке! Мой сын – юный техник. Он участвует в состязаниях.

Так говорили между собой прохожие, разглядывая кораблики. Машины уступали корабликам дорогу. Милиционеры останавливали движение на перекрёстках, чтобы пропустить вперёд стремительные кораблики.

Пруте было очень весело. Он подпрыгивал: «Плюх! Плюх! Плях!»

Рядом бежал Веня Кашкин. Веня тоже смеялся. Но своего кораблика Веня делать не стал. Он бежал и швырял камешки в кораблик-сандалию Прутика.

– Батаря, огонь! – командовал Веня.

«Бац! Бац!» – летели камешки.

И вот снаряд угодил в кораблик-сандалию. Волна захлестнула его, кораблик пошёл ко дну.

– Буль-буль! – передразнил Веня Кашкин. – Вот у меня ха-аро-шая пулька! Замечательная пулька! Пиф-паф! Ой-ей-ей! – И стал целиться в чью-то бумажную лодочку большим камнем.

И тут на улице появились Карандаш и Самоделкин. Они увидели Прутика, замахали руками, закричали, побежали за ним.

– Прутька!

– Скверный мальчишка!

– Иди сию же минуту домой!

Но Прутик не слушал.

– Кораблики! Кораблики! – пел он весёлую ребячью песенку.

– Ты промочишь ножки! Ты заболеешь! – пугал Самоделкин, прыгая на своих пружинках по тротуару.

Конечно, Самоделкин догнал мальчика, только в ручей ступить боялся, поэтому не мог поймать Прутика.

– Я кому говорю, слышишь!

– Кораблики! Кораблики! – пищал Прутя.

– Ну постой же, Прутик! Остановись! Хочешь, я тебе сказку расскажу? Только иди сюда. Ой, какую сказку знаю!.. Вот послушай... «Жил-был... маленький непослушный... Паровозик...» Не бегай по лужам, Прутик!

Но Прутя ничего не замечал, кроме корабликов.

– Да я тебе такой кораблик сделаю! Самый хороший! Настоящий кораблик!

Мальчик тут же остановился, и запыхавшийся от погони Самоделкин сумел поймать его за курточку.

– Кораблик! Хочу кораблик! – сказал Прутя.

– Будет у тебя кораблик!.. Ох, устал!.. Идём домой! Сначала высохнешь, наденешь тёплые ботинки, потом кораблик станем делать. Ты, Карандаш, нарисуй нам, пожалуйста, новые ботинки. А для меня инструменты, какие мне будут нужны: пару сосновых дощечек и разные винтики. Ничего не подделаешь, надо мастерить кораблик.

Они прибежали домой, раздели Прутика, растёрли его мохнатым полотенцем, которое нарисовал Карандаш, уложили мальчика в постель.

Волшебному художнику и тут пришлось поработать.

Мягкие кровати, одеяла, удобные стулья, круглый стол, румяные свежие булочки, чашки с горячим молоком, большую печку (на всякий случай) – все нарисовал Карандаш.

И только часы-ходики не рисовал Карандаш. Они почему-то уже висели на стенке. Знаете, были такие старинные часы, которые на стенку вешали, а под ними круглый маятник делает всё время так: «Тики-так, тики-так и не так...»

Почему эти ходики появились вместе с домом, никто не знает. Но у волшебников всегда так: обязательно какое-нибудь чудо получится.

Самоделкин даже удивляться перестал таким чудесам. Правда, он ужасно волновался, как бы не простудился Прутик. Мальчик ни за что не хотел укутываться, не хотел пить горячее молоко, и Самоделкину пришлось уговаривать Прутика.

– Если ты не будешь меня слушать, я не смастерю тебе кораблик, – сказал Самоделкин.

Конечно, Прутик моментально выпил молоко.

На улице наступил вечер.

– Ах, как я сегодня устал! – вздохнул Карандаш, когда съел румяную булку и выпил чашку молока. (Волшебники тоже пьют молоко.) – Я так хочу спать! – и он зевнул. (Волшебники тоже иногда зевают.)

– Ну, конечно, – сказал Самоделкин, – мальчику пора спать. Все ребята в такое время спят. Прутя, не хлопай глазами! Спи сию же минуту! За это я расскажу тебе сказку...

– Ты не умеешь воспитывать, – заметил Карандаш. – Надо показывать ему пример.

Маленький художник, зевая во весь рот, снял курточку, штанишки, нарисовал гвоздик на стенке у кровати, повесил на гвоздик свою одежду, лёг на чистую белую простыню, с головой залез под одеяло и крепкокрепко уснул.

– Соня, – проворчал Самоделкин и стал рассказывать сказку. – «Жил-был на свете маленький непослушный Паровозик...»

За раскрытым окном, как большие деревья, шелестели кусты. Где-то неподалёку бегали, громко топя ногами, ребята. Но вот и ребята ушли. На бульваре стало тихо. Пришла ночь. И никто не заметил, никто не увидел необыкновенный дом, спрятанный под густыми листьями в самом тихом уголке бульвара, который назывался Голубым Прохладным бульваром.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ, про мышку и кошку

Самоделкин видел во сне голубые, зелёные, белые, красные, чёрные, полосатые паровозики.

Они бежали по рельсам, гудели своими тонкими трубами: «Ту-ту-ту! Ту-ту-ту-у-у!»

И вдруг один паровозик начал скрипеть, как будто бы у него забыли смазать колеса: «Тррак! Трррак! Тррик!»

Он скрипел так жалобно и громко, что Самоделкин остановил его и, конечно, хорошенько смазал все двенадцать колёс паровозика. Разве мог Самоделкин допустить,

чтобы скрипел хоть один паровозик, даже если этот паровозик приснился и на самом деле нет рядом никаких паровозиков, ни белых, ни чёрных, ни полосатых, ни красных? Вот почему Самоделкин взял большую маслѐнку и смазал колеса. Но паровозик начал скрипеть ещё громче: «Тррак... Тррик... Трррык!..»

– Ничего не понимаю! – сказал во сне мастер Самоделкин и проснулся.

В комнате было тихо. Луна светила в окно, и шелестели над крышей листья. В углу комнаты ласково тикали часы-ходики: «Тики-так, тики-так и не так...» Самоделкин закрыл глаза, и тут на всю комнату послышалось: «Трр-ррак! Трррик! Трр-ррак!»

Это скреблась мышка: «Тррик! Тррак! Трррик!»

Самоделкин хотел уснуть, но мышка заскрипела ещё громче.

Тогда Самоделкин постучал о стенку, чтобы напугать вредную мышку. Но мышка скрипела так отчаянно, что проснулись и Карандаш и Прутя.

– Кто это? – спросил Карандаш. – Кто?

– Зачем ты нарисовал мышку? – заворчал Самоделкин.

– Я не рисовал мышку, – ответил Карандаш, – честное слово, не рисовал!

– Ничего себе, хорошенькое дело, мышку не рисовал, а мышка скребѐтся! Может быть, я нарисовал мышку? – сказал Самоделкин.

Мышка скребла все громче и громче. Карандаш не выдержал, он схватил свой ботинок и запустил в тѐмный угол комнаты. Мышка на секунду затихла, но потом...

– Трик! Трррак! Трик! – весело сказал Прутя.

– Трррак! Тррик! Трррык! – отозвалась мышка.

– Ребѐнок не спит! – возмутился Самоделкин.

– Нет, я больше так не могу! – вскричал Карандаш.

Он встал. И как вы думаете, что сделал Карандаш? Взял и нарисовал кошку. Симпатичную, пушистую, серую кошку.

В комнате сразу стало тихо. Мышка почему-то больше не скрипела. Самоделкин повернулся на левый бок и задремал, Карандаш закутался в одеяло и...

Нарисованная кошка сначала прошлась по комнате, потом услышала, как тикают часы-ходики: «Тикитаки, тики-так...» Потом увидела, как подпрыгивает маятник на часах. Она посмотрела на него своими зелёными глазами и мяукнула. Ей показалось, что это круглый чёрный мышонок с длинным тонким хвостиком.

Она стала подкрадываться, потом прыгнула. И маятник, и часы, и нарисованная кошка с ужасным грохотом и мяуканьем упали на пол.

– Я больше так не могу!! – закричал Самоделкин.

– Брысь! – крикнул Карандаш и запустил в кошку второй ботинок.

А Прутя захлопал в ладоши и засмеялся. Так ему было смешно.

Они втроѐм стали бегать за кошкой. Они кричали, кошка мяукала, носилась по комнате. Падали стулья, разбивались чашки. Пока сама кошка не догадалась выпрыгнуть в окно.

– И зачем ты нарисовал эту кошку? – сказал Самоделкин.

– Мальчик до сих пор не спит, – сказал Карандаш. – Это никуда не годится.

– Надо спать, – строго заметил Самоделкин.

Он укрыл мальчишку одеялом и сам лёг на свою кровать. Очень скоро ему опять начали сниться белые, чёрные, полосатые паровозики.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ – о том, как Прутик летел на Луну

Рано утром Самоделкин подпрыгнул в постели, как пружинка, посмотрел на кровать, куда вечером уложили Прутика, и закричал:

– Прутя потерялся! Эй, вставай, Карандаш! Прути нету!

В самом деле, постель была пуста.

Распахнув дверь, они выскочили из дома, не зная, куда бежать, и вдруг... заметили Прутика.

Ну как вы думаете, что делал этот Прутик? Ни за что не угадаете! Мальчик висел на дереве, зацепившись не то рубашонкой, не то штанами за ветку, и улыбался!

Лицо и голову Прутика закрывал прозрачный пакет.

Обыкновенный пакет, в который кладут хлеб, чтобы хлеб не высыхал.

Под веткой стояли ребята в таких же прозрачных пакетах. Один мальчик, судя по всему, командовал:

– Приготовиться к полёту! Все готовы?

– Готовы! – дружно сказали ребята.

– Готов! – пропищал Прутик.

– Завести ракету!

Мальчишки схватили ветку, на которой покачивался очень довольный, сияющий Прутик, изо всех сил пригнули ветку...

Но тут Карандаш и Самоделкин отчаянно замахали руками, бросились на мальчишек, и «ракетчики», сверкая пятками, прыгнули в разные стороны.

Ветка выпрямилась. Прутик подлетел вместе с ней.

– Ура! – восторженно закричали мальчишки издали. – Вышел на орбиту. Вышел! Вышел!..

Чтобы снять Прутю с ветки, пришлось рисовать лестницу. Карандаш очень волновался, поэтому лестница получилась немного кривой. Самоделкин снял мальчика с ветки, посмотрел на него сердито и покачал головой.

– Беда с этим ребёнком! Ещё немножко, и я, кажется, развинчусь от волнения!

– Ай-яй-яй! – строго сказал Пруте Карандаш.

– И зачем ты его нарисовал такого непослушного? – говорил Самоделкин, ведя мальчика домой. – Прутик, разве можно убегать из дому?

– Не спрашивай мальчика, – сказал Карандаш. – Он всё равно ещё не умеет разговаривать и ничего не понимает.

– Умею! – неожиданно вмешался Прутик. – Я умею... Луна... ра-ке-та... ор-би-та... шлем... фут-бол, ма-зи-ла...

– Ой, какие непонятные слова! – удивился Карандаш. – Он, оказывается, иностранец!

Но Самоделкин почему-то обрадовался, он даже зазвенел своими пружинками:

– Мальчик правильно говорит. Он молодец! Я теперь вижу: наш Прутик очень способный! Надо скорее научить его разговаривать. Я сам научу! Повторяй за мной, Прутя! Па-па! Ну, говори.

– Па-па, – сказал Прутя.

– Удивительно способный мальчик! – воскликнул Самоделкин.

– Способный мальчик, – повторил Прутя.

– Надо его сначала умыть, – недовольно заметил Карандаш, – накормить, а потом учить разговаривать. Ну-ка, Прутя, посмотри, как я буду умываться!

Маленький художник принёс мохнатое полотенце, опустил ведро в колодец, набрал воды и весело стал плескаться, разбрызгивая холодную сверкающую воду. (Волшебники тоже умываются.)

– Бррр!.. – фыркнул Самоделкин, поёживаясь. – Какая скверная привычка – умываться!

Вы, конечно, помните – мастер Самоделкин боялся воды.

– Сквер-рная привычка! – повторил Прутик, а Карандаш рассердился.

– Ты портишь мальчика! Ну чему ты его учишь?!

– Подумаешь!.. – проворчал Самоделкин. – Сказать ничего нельзя.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ, про сливочное мороженое, жаркий день и настоящий снег

Сначала Прутик не хотел умываться, потом Прутик не желал пить молоко.

– Если ты не будешь каждое утро умываться, если ты не будешь пить молоко, – сказал тогда Самоделкин, – я не сделаю для тебя кораблик.

Прутик моментально выпил молоко и съел румяную булку.

Карандаш приготовил для Самоделкина все инструменты, какие нужно было. Но пока он их рисовал, неугомонный Самоделкин учил Прутика разговаривать:

– Скажи: моторчик.

– Мотор-чик, – повторил мальчик.

– Скажи: лампочка.

– Лам-поч-ка!

– Ты очень способный мальчик! – похвалил Самоделкин.

– Я оч-чень способный мальчик.

– Тогда скажи: вертолёт.

– Вер-то-лет.

– Просто замечательно! – радовался учитель. – Мы сегодня выучим самые хорошие слова!

Но через несколько минут Прутику стало скучно. Вместо «вентилятор» он говорил «вертилятор», а вместо «лопатка» – «копатка».

– Ты его замучил, – вмешался Карандаш. – Нельзя так учить, все в один день! Мальчик все перепутает!

– Вот-вот, – обиделся учитель. – Мне говорил, а сам что делаешь? Мешаешь воспитывать! Я тебе советую...

– Ты сначала сам нарисуй такого мальчика, потом советуй, – перебил Карандаш. – Мне кажется, у него даже голова заболела!

– Заболела! – весело повторил мальчик.

Тогда и Карандаш и Самоделкин подбежали к нему, стали щупать голову мальчика, ахать и охать.

– Просто ему жарко, – сказал Самоделкин.

– Жарко, – подхватил мальчик.

– Надо что-то придумать! – заволновался Самоделкин.

– Я нарисую снег. Мальчику будет прохладней, – решил художник.

А между тем и в самом деле было очень жарко. Цветы на бульваре перестали пахнуть. Летнее солнце так нагрело улицы, каменные дома, что все окна в городе блестели жарким огнём. Автомобили-фонтаны ездили по городу, поливали мостовые, тротуары, газоны, деревья, мальчишек. А взрослые смотрели на них и почему-то вздыхали.

Самоделкин тоже нагрелся – ведь он был железный.

– Ты горячий, как утюг, – сказал Карандаш, рисуя белый снег на зелёной травке.

– Чудо! Чудо! Смотрите, снег! – закричали вдруг на бульваре мальчишки. – Настоящий снег!

– Невероятно! – сказали прохожие. – В самом деле снег! Просто чудо!

Снег лежал чистый, прозрачный, белый-белый, очень холодный! Рядом шуршали зелёными листьями деревья, на клумбах цвели горячими огоньками яркие цветы. Люди вздыхали от жары, обмахивались носовыми платками, га-зетами. У продавщиц мороженого таяло в ящиках эскимо. А тут искрился на солнце крепкий льдистый снежок. Настоящий снег! Его трогали пальцами, гладили, улыбались ему. Фотолюбители снимали снег на цветную плёнку. Один художник-любитель тут же стал писать картину под названием: «Летний снег». И все были рады. Всем как будто стало прохладнее.

Подошла тётя в белой косынке, в белой куртке, с белым ящиком на ремне через плечо, посмотрела на снег, потом на Карандаша и ахнула:

– Где же ты его достал, такую радость? У меня мороженое тает! Лёд на базе кончился!

«Ну, – думаю, – пропала. Погибнет мороженое!» Вдруг слышу, кричат: «Снег, снег!..»

Она поставила ящик в свежий хрусткий снежок. Потом вынула завернутое в серебряную запотевшую бумажку эскимо и дала Карандашу, Самоделкину и Прутику.

– Берите, милые, гостинчик. Берите, не стесняйтесь...

Это была Продавщица мороженого.

Если бы кто-нибудь остановил её в ту минуту и рассказал ей, какие беды принесёт Карандашу и Самоделкину эскимо на палочке, она, весёлая Продавщица, никогда и ни за что не дала бы Карандашу мороженого.

К сожалению, никто ничего не сказал, и Карандаш мигом уплёл мороженое и облизал палочку.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ, в которой Веня Кашкин разбивает окошко

Веня Кашкин тоже пришёл на бульвар. За ним шагали ребята с игрушечными пистолетами в руках, с деревянными саблями на боку. И тут же настоящие крепкие снежки замелькали в воздухе.

Это мальчишки из команды Вени Кашкина стали кидать снежки. «Бац! Бац!»

– Ах, разбойники! – вскрикнула прохожая старушка. Чей-то меткий снежок угодил ей в спину. – Это что же делается?

«Разве они разбойники?» – хотел спросить Карандаш, но колючий снежок залепил ему рот.

– Безобразие! – возмутились прохожие. – Надо немедленно прекратить эту войну!

– Уйдём отсюда, – сказал Карандаш, вытирая платком шею, потому что снег попал ему за шиворот.

Но Прутик и не думал уходить. Он слепил снежок и собрался бежать к мальчишкам. Самоделкин вовремя схватил его за курточку.

– Не хочу домой! – кричал Прутик.

Он вырывался, он дрожал от нетерпения, он глядел на мальчишек воинственными глазёнками, но Самоделкин крепко держал его.

– Не ходи к ним! Ничему хорошему они тебя не научат, – говорил Самоделкин. – Пора делать кораблик.

Ну, конечно, при слове «кораблик» Прутик сразу перестал вырываться, хотя снежная битва была в самом разгаре. Веня размахнулся и бросил новый снежок.

«Бац! Блям!.. Дзинь!»

Это снежок нечаянно угодил в окошко соседнего дома.

«Дзинь! Блям!..»

Это на тротуар упали осколки стекла.

– Я так и знал! Негодный мальчишка! – сказал тогда сердитый голос в окошке. – Я так и знал! Я предупреждал! У других дети как дети, а этот начитался книжек про войну, бегают с пистолетом, как разбойник, воюет целыми днями. Ничем больше не занимается! Ничего не делает! Настоящий лентяй!

Сердитое окошко захлопнулось. Только уцелевшие стекла звякнули раздражённо: «Дзинь!»

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ – о том, как потерялся Прутик

Самоделкин привёл Прутика домой, взял инструменты, сделанные Карандашом, и стал мастерить кораблик.

Он строгал дощечки настоящим рубанком, он распиливал их настоящей пилой, резал, сверлил, стучал, напевая знакомую песенку: Я все умею делать сам, И я не верю чудесам! Сам! Сам! Сам!

– Сам! Сам! Сам! – подпевал Прутик.

А мастер Самоделкин разложил на столе винты, шестерёнки, разные колёсики, необходимые пружинки. Он собирал моторчик для кораблика.

– Чудеса! – покачивал головой Карандаш, глядя, как вырастает кораблик.

Самоделкин спрятал в кораблик мотор, настелил палубу, поставил мачты, укрепил винт и сказал:

– Готов!

Кораблик получился необыкновенно хорошим. У него были две стройные мачты с верёвочными лестницами, руль за кормой, спасательные лодки на палубе, каюты с открытыми иллюминаторами, капитанский мостик. На тонкой цепочке блестел якорь величиной с рыболовный крючок.

– Ты настоящий волшебник! – похвалил Карандаш. – У меня так ни за что не получится!

– Волшебник! Волшебник! – повторил мальчик, прыгая вокруг Самоделкина. – Дай мне кораблик! Я хочу пускать кораблик.

– Опять в лужу полезешь? – нахмурился мастер Самоделкин. – Бррр! Не ходи по лужам!

– Я пойду с ним, – сказал Карандаш. – Я не боюсь воды.

«Идите, идите, – подумал хитрый Самоделкин. – Воды нигде нет. Все давно высохло».

Карандаш и Прутя с корабликом ушли, напевая песенку: И я не верю чудесам! Сам! Сам! Сам!

– Сливочно мороженое! Мороженое! – кричали на улице белые девушки. – Десять копеек! Пятнадцать копеек! Наше мороженое вкуснее, чем пирожное!

При слове «мороженое» маленький художник вздрогнул, замедлил шаги, вздохнул и тихонько сказал сам себе: «Она волшебница! Добрая волшебница дала мне мороженое. Нет ничего на свете вкуснее мороженого...»

Карандаш не слышал, как заиграла рядом звонкая музыка и радио сказало громко-громко:

– Внимание! Через тридцать минут на Большом Лебедином пруду зоопарк начнутся испытания моделей кораблей. Всех участников испытаний просим подойти к пруду.

– Ах, какая волшебница! – бормотал Карандаш, не замечая, как Прутик отстал от него.

По улице шли ребята с корабликами в руках. Они увидели Прутика.

– Смотрите, какой у него кораблик! Эй, давай с нами!

Прутик и ребята побежали на другую сторону улицы, туда, где стояли высокие железные ворота с двумя каменными львами. Над воротами ярко блестели на солнце большие буквы:

ЗООПАРК

ЖИВЫЕ СЛОНЫ!

ЗУБАСТЫЕ КРОКОДИЛЫ!

СВИРЕПЫЕ ТИГРЫ!

ДИКИЕ ЛЬВЫ!

ЯДОВИТЫЕ ЗМЕИ!

ДОРОГИЕ РЕБЯТА, ЗАХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!

Цена билета – десять копеек.

РЕБЯТА С КОРАБЛИКАМИ СЕГОДНЯ ПРОХОДЯТ БЕСПЛАТНО!

Прутик прошёл через весёлые ворота, подпрыгивая. Все мальчишки, когда входят в зоопарк, почемуто подпрыгивают.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой не могут найти Прутика

– Ой! – спохватился Карандаш. – Прутя, где ты? Неужели опять потерялся?

Он побежал по улице, останавливая прохожих: «Не видели Прутика?» Все пожимали плечами. Никто не видел. Одна девочка протянула Карандашу берёзовый пруттик.

Окончательно расстроенный, маленький художник вернулся домой.

– Прутик не приходил? – спросил он с порога.

– Ты что натворил? – задрожал Самоделкин. – Где Прутик? Тебе нельзя доверить мальчика!

Вдвоём они выскочили на улицу, но разве угадаешь, где искать Прутю?

Навстречу шагали ребята с корабликами, ребята шли к весёлым воротам с каменными львами.

– Вы не встречали мальчика с корабликом?

– Все мальчики с корабликами сегодня идут на состязание, – ответили ребята. – Скоро начнётся!

«Может быть, он и в самом деле убежал на состязания?» – подумали Самоделкин и Карандаш.

Но пройти через весёлые ворота оказалось не такто просто.

– У вас нет корабликов? И нет билетов? – спросил уса́тый Контролёр у входа. – Купите, пожалуйста, в кассе билеты.

«Нам не на что купить билеты», – хотел ответить Самоделкин и ничего не сказал. Он заглянул в окошко с надписью «Касса».

Там сидела незнакомая тётя и резала ножницами синие билеты. Ей было душно.

– Уф, какая жара! – вздыхала тётя.

Самоделкин почесал макушку. Так делают иногда, если что-нибудь придумывают.

– Я придумал, – сказал он приунывшему другу. – Нарисуй две штучки эскимо!

Карандаш с необыкновенной быстротой нарисовал эскимо. Только он почему-то ошибся и нарисовал три штуки вместо двух. Самоделкин, правда, не заметил ошибки. Он взял у Карандаша два эскимо и, пока тот уплетал своё мороженое, подошёл к окошку.

– Тётя, вам жарко? Я принёс для вас мороженое. Вот!

– Ай, умница! – восторгалась тётя. – Ай, какой хороший! На тебе два билета. Ай, прелесть!..

Окошко закрылось, и над ним появилась табличка с надписью:

ЗАКРЫТО: ПЕРЕРЫВ – ПЯТЬ МИНУТ.

Карандаш и Самоделкин помчались разыскивать Прутю, а к воротам зоопарка подошёл недовольный, сердитый Веня Кашкин.

Денег на билет у него не было. Вы, конечно, помните, как Веня разбил окно. Почему-то всегда получается так. Разобьёшь окно, и тебе не дают ни копейки денег на мороженое, кино или зоопарк. Вене ужасно хотелось как-нибудь пройти через весёлые ворота, посмотреть состязания корабликов. Но своего кораблика у Вени тоже не было. Трудное положение! Нет билета, нет кораблика.

Веня хмуро поглядывал на ребят и неожиданно встретил среди них знакомого парнишку, маленького Тиму. В одной руке Тима держал самодельный кораблик.

– Эй, Тимка! – решительно позвал Кашкин. – Дай мне твой кораблик! Живо! Тебя, шпингалета, пропускают без билета.

– Не дам! – храбро сказал Тима.

– Что?! – напустился Веня Кашкин. – Вот как стукну!..

– Я папе скажу! – пискнул Тима. – Он билеты покупает, видишь?
К ним подошёл Тимин папа.
– Что надо этому забияке?
Веня вдруг изобразил самое добренькое лицо и сказал противным голосом:
– Я пошутил – хе-хе!.. – а он думает, правда. Хи-хи!.. А я пошутил.
Папа внимательно посмотрел на Веню и заметил сам себе очень как-то непонятно:
– Я и не знал, что у этого мальчика два голоса... Пожалуй, он и в самом деле ограбит
какого-нибудь малыша, заберёт кораблик. Пускай он лучше будет с нами. Пропустите его,
пожалуйста, – сказал папа Контролёру. – Вот билеты!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ, про слона, тигра, маленького львёнка и парусные кораблики

– Где же Прутя? – волновались наши друзья, бегая по зоопарку. – Может быть, он придумал залезть в какую-нибудь клетку с дикими зверями, непослушный мальчишка?

Самоделкин и Карандаш останавливались у каждой ограды, смотрели в каждую клетку. Вот на зелёной лужайке стоит огромный слон и помахивает серым хобо-том. «Добро пожаловать, – хотел сказать он, – я большой. Самые большие никогда никого не обижают». Но у слона Прути не было.

Крошки мартышки пронзительно кричали разными голосами. «Какие смешные мальчишки! – хотели сказать они, увидев Карандаша и Самоделкина. – Смешнее мартышек! Значит, мы не самые смешные! Не самые! Не самые!» Вот какие шумливые мартышки.

Полосатый тигр даже не заметил маленьких друзей. Он ходил по клетке взад и вперёд и думал: «Говорят, я похож на кошку! Но это неправда! Непрр-равда! Я не ловлю мышек!»

Могучий лев, пойманный в пустыне, печально положив голову на лапы, лежал одиноко в пустынной клетке.

– Бедный, – сказал Самоделкин. – Как ему грустно! Я хочу его погладить.

Карандашу тоже стало жаль одинокого льва. Он подумал-подумал и нарисовал крошечного львёнка. Львёнок получился такой маленький, совсем как настоящий котёнок.

Если взять катушку ниток, отмотать от неё длинную нитку и привязать к ней бумажку от конфетки, а потом потянуть за нитку, львёнок побежит за бумажкой. Поэтому все учёные говорят о том, что львёнок похож на котёнка.

Львёнок пролез между прутьями решётки в клетку. И лев очень обрадовался: маленькие всегда приносят радость одиноким.

Потом Самоделкин и Карандаш заглянули к медвежатам, бегемотам, крокодилам, жирафам, попугаям. Карандаш почему-то совал нос и в тележки с мороженым, как будто Прутик мог залезть в тележку с мороженым! Вот какой чудак этот Карандаш.

– Внимание, – сказала радио, – на Большом Лебедином пруду начинаются большие состязания корабликов. Юные мастера, спешите, спешите!

На дорожке зоопарка появились Веня Кашкин, маленький Тима и Тимин папа.

– Мы опаздываем! – сказал папа.

Тима нёс в руке деревянный кораблик, сделанный по всем правилам корабельных мастеров. Самоделкин тоже был мастером, поэтому никак не мог не заметить замечательный сосновый кораблик. Ну да, сосновый! Корпусом корабля была простая сосновая дощечка. В неё воткнута палочка – мачта. На мачте белый бумажный парус в косую клеточку.

На борту кораблика синим карандашом было написано: «Тима».

– Мальчик, – вежливо спросил Самоделкин, – кто мастерил этот замечательный кораблик?

– Никто не мастерил, я сам ножиком выстругал.

– А почему кораблик называется «Тима»?

– Это я – Тима, – важно сказал мальчик.

Самоделкин хотел похвалить кораблик, но тут они подошли к большому круглому пруду.

На берегу пруда собрался народ. Со всех сторон сюда шли и бежали ребята. Над ними развевались настоящие морские флаги, музыка играла марши. На мостике, построенном у самой воды, стоял настоящий Морской Капитан в белом кителе. Он смотрел в настоящий морской бинокль на воду пруда, словно там, на воде, плавали настоящие корабли, бегали настоящие волны, которых Капитан совсем не боится.

Но за толпой ребят Самоделкин и Тима не видели ни кораблей, ни волн.

– У этого мальчика тоже кораблик, самодельный кораблик! – показал на Тиму гражданин, стоявший поблизости. – Пропустите его, товарищи. Мальчик пришёл на испытание кораблей!

– Надо его пропустить! – сказали все. – Пропустите мальчика, пропустите!

Тима с корабликом, а за ним папа, Самоделкин и Веня Кашкин подбежали к самой воде.

На синей глади стояли могучие корабли. Пароходы с трубами, ледоколы, подводные лодки, целый флот парусных кораблей.

Ветер шевелил паруса, но корабли стояли на месте, крепко привязанные настоящими катушечными канатами.

Все мальчишки зачарованно глядели на парусные кораблики. Вот-вот на них появятся brave капитаны, крикнут басом:

– Поднять якоря!

Ветер надувает паруса, и поплывут кораблики в самые дальние дали. Туда, где над морем летают белые чайки, волны бегут к необитаемым островам.

Пароходы, конечно, тоже плавают по морям – по волнам, возят людей в разные города. Но пароходы почему-то никогда не попадают к необитаемым островам. А парусные кораблики уплывают куда-то совсем далеко-далеко! Там для каждого мальчишки найдётся необитаемый остров. И туда не проплыть никаким пароходам.

Вот почему все на свете храбрые мальчишки так любят белые паруса...

– Поднять якоря! – громко скомандовал Капитан, стоявший на мостике. Самый настоящий взрослый Морской Капитан.

Взрослые тоже любят парусные кораблики.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ, в которой все хвалят Самоделкина

Капитан дал команду, и ребята на берегу отвязали канаты.

Загудели пароходы, вздрогнули кораблики, поплыли по тихой воде пруда к другому берегу. Там их встречали дяди с красными повязками на рукавах. Они смотрели по часам: какой кораблик скорей приплывёт.

– Эх, – вздохнул Веня Кашкин, – если я когданибудь стану волшебником, я увеличу один парусный кораблик и уплыву на нём в океан... Я буду командовать: «Лево руля! Право руля!»

– Хорошо плавать в океане, хорошо, – похвалил Тимин папа. – Но для этого надо быть очень храбрым, очень смелым и добрым.

– Я храбрый! – сказал Веня.

– Ну-ну, – добродушно заметил папа, – ты, оказывается, хвастунишка. Попробуй сначала сделай сам такой вот кораблик.

– Ерунда! – ответил Веня Кашкин. – Кораблик можно купить в магазине. А я хочу настоящий!

– Ах, вот как! Ты ничего не желаешь делать, – сказал папа. – Ты, на-верное, лентяй?

– Кто лентяй? – спросил гражданин, стоявший поблизости.

– Где лентяй? – стали спрашивать люди и оглядываться на Веню Кашкина. – Покажите нам лентяя. В нашем городе нет лентяев. Давным-давно нет никаких лентяев.

– Ну что вы, граждане, – поспешил успокоить всех Тимин папа. – Вам послышалось. Этот мальчик совсем не лентяй. Он книжки, наверное, читает. Какие ты читаешь книжки? – спросил он Веню.

– Про войну, про шпионов, про морских разбойников! – похвастался Веня.

– Ну и то хорошо, – почему-то вздохнул папа.

– Смотрите! Смотрите! – сказал Тима. – Чей-то кораблик обгоняет всех!

– Это мой кораблик! – воскликнул Самоделкин. – Значит, Прутик здесь.

– Ваш кораблик? – спросил гражданин, стоявший поблизости.

– Мой! Мой! – ответил железный человечек, и все вокруг посмотрели на него с уважением.

– Вы настоящий мастер! Позвольте мне пожать вашу руку, – сказал Тимин папа.

Кораблик Самоделкина стремительно плыл к дальнему берегу. Он перегнал сверкающие солидные теплоходы, подводные лодки, ледоколы. Он почти достиг самые быстроходные суда, но парусные фрегаты, яхты, бригантины мешали ему плыть. Неожиданно кораблик изменил направление. Он поплыл так, словно где-то внутри кораблика сидели крошечные матросы, капитан и рулевой. Кораблик обошёл парусную флотилию, покачнулся на волнах и ринулся вдогонку за быстроходными реактивными катерами.

Все ближе, ближе подходил кораблик!

Ещё немного, и весь флот позади! Кораблик Самоделкина первым пришёл к пристани. Он замедлил ход, сам бросил якорь и замер. На первой мачте кораблика поднялся крошечный флажок.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ – о том, как Прутик стал знаменитым

– Чей кораблик пришёл первым? – громко спросил настоящий Морской Капитан.

– Чей кораблик? Чей? Вы не знаете, кто его сделал? – спрашивали те, кто стоял далеко от Самоделкина.

Радио сказало:

– Внимание! Просим того, кто смастерил кораблик номер один, подняться на капитанский мостик. Победителю будет присвоено почётное звание. Победителю вручат ценные подарки.

– Везёт людям! – проворчал Веня Кашкин.

– Поздравляю вас! Я и мой сын, мы оба очень рады с вами познакомиться. – Тимин папа ещё раз пожал Самоделкину руку. – Спешите на капитанский мостик. Они зовут вас!

– Дайте пройти мастеру! – сказал гражданин, стоявший поблизости. – Дорогу мастеру!

Никогда Самоделкину ещё не было так хорошо. Маленький железный человечек блеснул, он сиял от радости. Все расступились перед ним.

И вдруг раздался чей-то тоненький голосок:

– Это мой кораблик! Мой!

На капитанский мостик взбежал Прутя, нарисованный мальчик.

– Нашёлся Прутик! – зазвенел счастливый Самоделкин.

– Мой кораблик! – сказал мальчик, стоя на мостике. – Дайте мне подарки.

Они лежали рядом. Большая нарядная коробка с игрушками, конфетами, печеньем и шоколадом.

– Как тебя зовут? – спросил настоящий Морской Капитан. – Как твоя фамилия?

– Прутя Карандашкин!

– Ты ученик или дошкольник? Ты кто?

– Я очень способный мальчик! – ответил Прутик.

– Ты сам сделал кораблик? Победителем признается только тот, кто мастерил кораблик сам. Понимаешь? САМ!

Мальчик посмотрел на яркие необыкновенные подарки, потом на Капитана и сказал:

– Сам! Я сам сделал кораблик!

– За этот кораблик, – торжественно произнёс настоящий Морской Капитан, – тебе присвоено почётное звание! Ты – Юный Техник! Приветствую и поздравляю!

Он пожал мальчику руку и взял под козырёк.

Музыка заиграла торжественный марш, все ребята крикнули «ура» и захлопали в ладоши. Тимин папа взглянул на Самоделкина и укоризненно покачал головой.

– Стыдно, молодой человек, – презрительно сказал гражданин, стоявший поблизости. – Вы решили присвоить себе чужую славу!

– Нехорошо! – говорили все вокруг.

Самоделкин жалобно звякнул своими пружинками.

– Жулик! – процедил Веня Кашкин. – Дать ему разок по шее!

Капитанский мостик окружили фотографы, представители общественности, журналисты. Все хотели разговаривать с Победителем.

Ему давали бесплатные билеты в самые лучшие кинотеатры города, на детские утренники. Дворец юных техников прислал сюда Чрезвычайного и Полномочного Представителя с ответственным заданием пригласить Победителя в гости. На две недели!

Над мостиком повис большой вертолёт с яркой надписью на борту: ПРИВЕТ ПОБЕДИТЕЛЮ!

– Приглашаем Прутю Карандашкина совершить почётный полет над городом! – сказала вертолётное радио.

Лётчики спустили верёвочную лестницу. Настоящий Морской Капитан поднял на руки счастливого мальчика, Юного Техника, и передал его лётчикам.

– Прутя! Прутя! – жалобно позвал Самоделкин. – Мы тебя искали!

Но мальчик просто не заметил железного человечка. Вертолёт унёс Прутика в солнечное высокое небо.

– Ах, Карандаш, Карандаш, зачем ты нарисовал мальчика! – вздохнул Самоделкин и вдруг спохватятся так же, как и мы с вами: – Где Карандаш?

Где Карандаш?! Мы совсем про него забыли!

– Вот Карандаш, – сказал добрый Тима и достал из кармашка синий цветной карандаш.

– Не тот карандаш! Пропал Карандаш!..

Встревоженный Самоделкин выпрыгнул из толпы, побежал налево, потом направо.

– Карандаш! Карандаш! – звал он. – Карандашик!

– Хри-хри-хри... – услышал Самоделкин чьё-то жалобное похрипыванье.

За широкой садовой скамейкой он увидел Карандаша.

– Хри-хри-хря! – виновато сказал Карандаш.

Это он хотел сказать: Я тут!»

Перед ним лежала целая куча палочек от эскимо.

– Противный Карандашка! – отчаянно закричал Самоделкин. – Ты заморозился! Ты объелся мороженым! Глупый Карандашка! Ну кто тебе дал столько мороженого?!

– Хри-хря-хрю, – прошептал Карандаш.

Он хотел сказать: «Я нарисовал. Я нечаянно. Я больше не буду». Но он простудил горло, и голос у него пропал.

– Ему надо выпить горячего молока. Это очень помогает при простудах, – сказал какой-то прохожий старичок.

– Пойдём домой, непослушный, гадкий, скверный Карандашка! – кричал рассерженный Самоделкин, топая ногами.

Карандаш, вздыхая, поплёлся домой.

Мартышки смеялись над ним. Слон качал головой: «Ай-яй-яй!..»
Лев ничего не заметил: он играл в «кошки-мышки» с маленьким львёнком.

Про этого львёнка на другой день в газетах было напечатано: «СЛУЧАЙ В ЗООПАРКЕ
В клетке льва вчера появился маленький львёнок. Детёныш пьёт молоко и весит один килограмм. Учёные ведут наблюдение за новорождённым».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ, в которой чуть не плачет железный Самоделкин

Самоделкин привёл Карандаша домой, уложил в постель.

Нужно было позвонить по телефону и позвать «скорую помощь», но в доме не было телефона.

Бедному Карандашу совсем стало плохо. Маленький волшебник заболел. У него была высокая температура, но ему казалось, что в доме очень холодно. Он дрожал и стучал зубами от холода.

Самоделкин задвинул шторы на окнах, укрыл Карандаша всеми одеялами, даже подушками. Ничего не помогало!

На улице наступил вечер, а потом и ночь. В доме стало совсем темно и тихо-тихо. Слышно было, как постукивает зубами Карандаш.

Самоделкин решил набрать сухих листьев для печки. Он вышел из дому и стал собирать опавшие листья.

На бульваре никого не было. Все давно ушли спать.

– Глупый Карандаш, – ворчал Самоделкин, бегая по дорожкам. – Не мог нарисовать электрическую плитку! Глупый Карандашка!

Он ворчал просто так. Ему было очень-очень-очень грустно, и, чтобы не заплакать, он притворялся таким сердитым.

А Карандаш лежал в тёмной комнате и бредил. Когда больные бредят, они все говорят неправильно.

– Дважды два – семь, – бормотал Карандаш. – Трижды три – пять, семью семь – девять...

Он потерял сознание. Когда больные теряют сознание, они могут встать и что-нибудь делать, но все неправильно.

Карандаш вылез из-под одеял и подушек, спотыкаясь, подошёл к стенке и начал рисовать, не понимая, что рисует.

– Семью семь – пять... – бормотал Карандаш, рисуя.

Ой, Самоделкин, где же ты? Беги скорее домой! Не давай больному Карандашу рисовать!

Но Самоделкин собрал здоровенную охапку листьев и с трудом нёс её домой. С такой охапкой бежать никак нельзя.

Карандаш нарисовал на стенке страшного пирата с большим кривым ножиком, с двумя пистолетами за поясом и с черным разбойничьим флагом. Этого пирата Карандаш видел однажды на рисунке Вени Кашкина, воинственного мальчика.

Нарисованный пират подмигнул Карандашу со стенки, свернул чёрный разбойничий флаг и спрятал его в кармане штанов.

Но больной художник ничего не заметил. Он рисовал шпиона в сером плаще с поднятым воротником, с чёрной маской на глазах.

Потом Карандаш нарисовал кляксу, похожую на собаку. Все как на рисунке Вени Кашкина!

В дверь, шурша листьями, вошёл Самоделкин. Он бросил охапку на пол и стал укладывать Карандаша в постель.

Больной махал руками, кричал:

– Дважды два – пять! Вене Кашкину дайте мороженое! Дайте мороженое!..

Бедный, бедный Карандаш!..

Самоделкин даже не заметил, как от стенки отошли две тёмные тени, как неслышно скользнули они в приоткрытую дверь на тёмный ночной бульвар. А за ними убежала третья, маленькая тень, похожая на собаку.

Деревья глухо шумели на бульваре. Самоделкин закрыл дверь и затопил печку. Тёплый огонь осветил комнату. Листья в печке потрескивали, пламя прыгало, и свет по стенкам прыгает.

Карандаш уснул.

А Самоделкин сидел у печки и горько-горько вздыхал:

– Бедный Карандаш!..

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ, а ней появляются ночные разбойники

В ту ночь в городе почему-то не горели фонари. Было тёмно-темно. В такие тёмные-тёмные ночи всегда что-нибудь случается.

Горожане давно легли спать, и ни в одном окошке не горел свет. Зачем людям свет, когда они спят?

В эту самую тёмную-тёмную ночь по улицам бежали два никому не знакомых маленьких человека и одна никому не знакомая собака. Они всё время оглядывались по сторонам, шныряли в чёрные глухие переулки, пока не очутились на набережной, где слышно было, как совсем рядом шумит река и плюхаются волны о каменный берег. Плюх-плюх, плюх-плюх, плюхплюх.

«Тяф-тяф», – сказала никому не знакомая собака.

– Брысь! – цыкнул на собачонку никому не знакомый человек с большущей рыжей бородой, с огромным кривым ножом и двумя пистолетами за поясом. – Я слышу ветер! Неужели волны гудят? Неужели море?!

– Ну да, – заметил другой, – водичка, плюхплюх. Одна слякоть и сырость. И лягушки плавают. – Он поглядел на тёмную воду. – С палочками, с тряпками... Нет, кажется, не лягушки... Ой, не могу, я вижу кораблики.

– Где? – подскочил рыжебородый. – Где! Неужели кораблики? А нет ли там настоящего пиратского корабля? Нам очень пригодятся бы такой корабль. – Он мгновенно подбежал к берегу. – Тьфу, какое безобразие! Какие глупые деревяшки! Много маленьких жалких паршивых скорлупок и ни одного настоящего корабля! Ни корвета, ни фрегата. Ни одного! Проклятьё! Ну я им покажу!

Бородач поднял камень и пульнул его туда, где качались на тёмной воде наверное потерянные кем-то самые разные кораблики.

– Батарея! Левый борт! Пали! Пиф-паф! Ой-ей-ей! – скомандовал рыжебородый, запуская второй камень.

«Буль-буль», – тихонько булькнул один кораблик и пошёл на дно.

– Буль-буль! – передразнил бородач. – Бульбуль... Потопить эскадр-рру! Пиф-паф! Ой-ей-ей!

– Потопить! – согласится другой. – Вот у меня ха-арошая пулька. Замечательная пулька! Пиф-паф!

Он подпрыгнул и бросил большой камень в жестяную лодочку.

«Буль-буль», – утонула жестяная лодочка.

– Буль-буль! – рывкнул тот, который с огромным кривым ножиком и двумя пистолетами за поясом. – Батарея, пали!

Бац-бац, летели камешки. Но в эту минуту пробили часы на городской башне. «Бам! Бам! Баммм...» Когда над крышами замер последний «бам», на берегу никого не было. Только собака тьякала в отдалённом переулке, потому что никак не могла догнать своих удивительных спутников.

– Я больше так не могу, – простонал один. – Куда мы бежим, ува-важаемый дядя?

– За нами, наверное, гонятся! – жутким шёпотом ответил бородач. – Я слышал «бам-бам»...

– По-моему, за нами никто не гонится.

Человек в плаще остановился. Другой тоже остановился. Они оглянулись, прислушались. Никого не было.

– В самом деле, – очень удивился бородач. – Мы разбойники, а за нами никто не гонится. В книжках так не бывает.

– Я не разбойник! – обиделся человек в плаще.

– А кто же ты?

– Я культурный, порядочный, воспитанный шпион. Я умею подглядывать, выслеживать, высматривать, вынюхивать. Я умею...

– Тю! – хлопнул его по спине бородач. – Награждаю тебя кличкой – разбойник Дырка. Очень хорошая кличка, если ты умеешь подглядывать. А я умею командовать: лево р-руля! Право р-руля! Я морской разбойник. Я пират! Я знаменитый капитан Буль-Буль!

Гроза морей! Пиф-паф! Ой-ей-ей!

– Очень рад с вами познакомиться, уважаемый пират, – ответил разбойник Дырка, с большой опаской поглядывая на такого свирепого соседа.

Если бы кто-нибудь услышал их разговор, он подумал бы, что разговаривает один человек, а не два. У пирата и шпиона были одинаковые голоса. Они разговаривали голосом Вени Кашкина!

Правда, у них были не совсем одинаковые голоса. Пират говорил таким голосом, каким Венья разговаривал с малышами.

А шпион говорил так же, как Венья, когда тот подлизывался или уверял маму, что это не он слопал конфеты из вазочки, а мыши.

Бывает у человека два голоса.

«Рррр!» – лохматая собачонка зарычала. Она хотела сказать: «Вы забыли про меня!»

– Хо-хо, вот наш верный кусачий пёс по имени Клякса! Поди сюда, барбос! – позвал пират. – Ну вот, вся моя банда – тьфу, команда! – в сборе. Я назначаю себя капитаном-атаманом. Командовать буду я! Кто со мной не согласен?

Все, конечно, согласились.

– Отлично! – сказал пират. – Отлично! Я так и думал. А теперь пойдём и ограбим кого-нибудь, а то мне скучно.

– Зачем грабить? Я не умею, – жалобно пискнул рядовой участник банды-команды.

– Глупая башка! Где ты видел разбойников, которые не грабят? А? В книжках так не бывает!

– А если нас побьют?

– Я не боюсь! Я храбрый! Топай за мной, приятель! Раз-два! Раз-два! Р-раз-два!

Разбойники вышли на большую дорогу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ – о том, как Самоделкин хотел найти горячее молоко для больного Карандаша

Самоделкин положил в печку сколько можно было сухих листьев и тихонько подошёл к больному.

Карандаш спал беспокойным сном.

«Ему надо пить горячее молоко, тогда он поправится, – подумал железный человечек. – Я не умею рисовать молоко. Но я что-нибудь придумаю».

Он поправил одеяло и вышел на улицу печальныйпечальный.

В городе начиналось утро. Ночью деревья кажутся чёрными, а сейчас они были серыми, голубоватыми. С каждой минутой они зеленели все больше и больше. Стекла в домах начали светлеть, поблёскивать. На бульваре появился Дворник в белом фартуке, с берёзовой метлой в руках для подметания дорожек.

– Ну и ну!.. – сказал Дворник сам себе. – Каждую ночь столько листьев падает, а сегодня все дорожки чистые.

Разве Дворник мог подумать, что это Самоделкин собрал все листья для печки!

А Самоделкин стоял на городской площади, не зная, куда ему пойти. Он ещё ничего не придумал.

На площади, на ближних улицах, в прохладном утреннем воздухе пахло свежим испечённым хлебом. А кто не знает, как необыкновенно пахнет горячий хлеб!

Два ночных разбойника появились на дальнем углу площади. Самоделкин их не видел. Они тоже не видели Самоделкина.

Разбойники остановились ошеломлённые. Пират потянул носом воздух. Шпион понюхал воздух.

– Как есть хочется! – простонал он.

– Аппетитно пахнет, – проворчал пират, и в животе у него заурчало. – Я бы съел жареную акулу целиком с косточками! Ух, как я голоден! У меня такое впечатление, будто я никогда ничего не ел. Пиф-паф! Ой-ей-ей...

«Вам! Вам! Бам! Баммм!» – пробили часы на городской башне. Деревья стали совсем зелёными. На крышах, под крышами, на балконах проснулись голуби, захлопали крыльями. Они, как сизое облако, спустились на площадь, и она стала голубой.

К площади подъехал длинный грузовик, похожий на вагон. Подъехал и остановился. Голуби не обращали на него никакого внимания. Они заняли всю дорогу и даже как будто совсем не думали с неё улетать.

Грузовик сердито фырчал мотором, пыхтел. А голуби важно расхаживали по мостовой перед колёсами и никуда не спешили. Тогда из кабины выскочил недовольный человек в белом халате, замахал руками:

– Кыш! Кыш!

Голуби неохотно взлетели. Человек пошёл вперёд, махая руками. А грузовик медленно поехал за ним через всю площадь.

Он остановился рядом с большим кондитерским магазином, у которого ни днём ни ночью не закрываются двери. Ночью в магазин привозят пирожные, конфеты, печенье, шоколад. А днём, с утра до вечера, конфеты, печенье, пирожные, шоколад уносят из магазина весёлые покупатели.

Грустные люди, невесёлые покупатели в этот магазин почему-то никогда не заходят.

От грузовика пахло ванилью, как от пирожного. Из магазина вышли рабочие, открыли кузов грузовика, начали носить в магазин ящики.

Два разбойника осторожно стали подкрадываться к рабочим. Один шёл впереди, а другой за ним, как будто он едва успевал подкрадываться. Рядом кошачьей походкой скользила чёрная Клякса.

– Ты им скажи: «Руки вверх!» – зашептал первый разбойник. – А я тут буду стоять. Как только они тебя испугаются, я выскочу и стану грабить. Ну, иди!

– Я не м-могу! Я слабенький! – взмолился другой разбойник. – Они мне даже не поверят! Это вы скажите им: «Руки вверх!» – а я тут постою.

– Сначала ты! – шипел первый.

– Я п-потом! – отвечал другой плаксивым шёпотом.

– Не мешайте, ребята, – сказал Рабочий, заметив грабителей. Он их, наверное, не узнал. – Не мешайте, ребяташки! Вам надо спать в такое время. Ну-ка, марш домой!

– Руки вверх! – пронзительно заорал первый разбойник, подскакивая к Рабочему.
– Тебе говорят, поднимай руки! – пискнул второй грабитель, стоя за углом соседнего дома.

– Некогда мне с вами играть, ребята, – засмеялся Рабочий, не оглядываясь.

Он достал из грузовика ящик с ароматными конфетами.

– Руки вверх!!! – завопил первый разбойник.

«Рр-гав!» – рыкнула Клякса.

Рабочий повернулся и нечаянно задел грабителя ящиком.

Разбойник отлетел далеко в сторону, махнув бородой по тротуару, как веником.

Рабочий удивлённо посмотрел вокруг и никого не увидел.

Бедный грабитель сидел на мостовой за ближним домом. Другой разбойник и мохнатая собака непонятно как очутились в урне для мусора и выглядывали из неё, скуля и дрожа.

Рабочий успел отнести ящик в магазин, пришёл за другим и встретил у машины Самоделкина.

– Это ты кричал? – спросил Рабочий.

– Нет, я не кричал. Давайте я помогу вам носить ящики, – совсем как большой, сказал Самоделкин.

Рабочий улыбнулся:

– Ну, спасибо тебе, малыш. Вот получай за это конфетку. А я сам без тебя управлюсь. Ящик для тебя, пожалуй, тяжеловат.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ, про голубей, которые не слушаются милиционеров

Рабочий не знал, почему так рано гуляет по городу маленький грустный Самоделкин. Не знал, что одной конфетки для больного Карандаша маловато. Нужны горячее молоко и свежий хлеб. Самоделкин хотел сказать об этом Рабочему, но тут со всех сторон к площади подъехали грузовики, похожие на вагоны, окрашенные в разные цвета. Из кабин вышли недовольные люди в халатах и замахали руками на голубей.

– Кыш! Кыш! Кыш! – махали они.

Голубиные стаи носились над площадью, взлетали, опускались на мостовую, как только кто-нибудь переставал махать, и закрывали дорогу.

– Я Булочник! – сказал тогда один человек. – Я везу хлеб! Скоро откроются магазины. Горожане придут за хлебом, а я не успею привезти свежий хлеб.

– Я везу молоко! – сказал другой. – Скоро проснутся дети. Но им никто не принесёт молока, и мамы не сварят вкусную молочную кашу. Я не успею привезти молоко в магазины.

– Я Рыбник, – пожаловался третий. – Я везу рыбу. Каждый день я теряю много времени в дороге для того, чтобы разгонять голубей. Поэтому не всегда в магазинах бывает живая стерлядь.

– А я Колбасник, вожу колбасы, – хриплым шёпотом сказал четвёртый. – У меня болит горло, потому что я всё время кричал «кыш-кыш!». Я устаю махать руками на голубей. Голуби никого не боятся, никого не слушаются. Даже милиционеров! Голуби не обращают внимания на сигналы светофора.

– Мы не можем так больше работать! – зашумели все остальные. – Надо что-то придумать! Об этом пишут все газеты. Учёные думают и ничего не могут придумать. Как же быть?..

– Это неправда! – воскликнул Самоделкин. – Я придумал!

– Кто это? Кто? – зашумели все сразу.

– Это, наверное, какой-нибудь учёный-изобретатель, – сказал Булочник. – Я его давно заметил. Он всё время стоит и о чём-то всё время думает.

– Я придумал! – сказал Самоделкин. – Вам не надо будет кричать «кыш-кыш!» и

махать руками. Дайте мне проволоки, деревянных палочек, пилу, молоток, отвёртку, винты, клещи, разные тряпочки. Я покажу вам, что надо сделать.

– Я везу деревянные рейки, – сказал Плотник. – Бери сколько нужно. Я сам помогу тебе работать.

– Я везу инструменты, – сказал Слесарь. – Принимай меня в помощники.

– А я дам проволоку, – сказал Монтёр.

– А я – материю на лоскутики, – сказал Ткач.

– Мы тоже будем помогать! – сказали все другие, снимая халаты.

На другой день в газетах было напечатано:

«НЕОБЫЧАЙНОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ!»

Вчера утром неизвестный талантливый конструктор изобрёл то, о чём так давно мечтали все водители машин и милиционеры. Каждый гражданин может кататься по городу, не боясь наехать на голубя! На всех машинах будут установлены махатели. Махатель – так называется изобретение, о котором говорит весь город. Махатель состоит из простой деревянной рейки, прикреплённой к переду автомобиля. На конце рейки привязана тряпочка. Две проволоочки соединяют рейку с двумя снегоочистителями на переднем стекле машины. При движении мотор тянет проволоочки то налево, то направо, и рейка машет лоскутиком. Техники поражены простотой конструкции!..

К сожалению, в суматохе никто не узнал имени изобретателя. Непростительная ошибка!»

Но всё это было напечатано в газетах на другой день. А пока Самоделкин бегал от одной машины к другой, показывал, подкручивал, привязывал, давал всякие советы. Ровно через полчаса работа была закончена. Все благодарили Самоделкина, жали ему руки, приглашали в гости.

Булочник принёс горячие булки.

– Это вам, – улыбаясь от радости, сказал он.

Молочник принёс два больших заиндеветших бидона с молоком, брусок жёлтого сливочного масла и банку сметаны. Рыбник принёс рыбу. Колбасник – варёную и копчёную колбасу.

– Это мой подарок, – прохрипел он. – Вы необыкновенный мастер!

Зеленщик принёс фрукты. Кондитер – пирожное с конфетами. А Слесарь подарил Самоделкину тележку для всех этих подарков. Самоделкин каждому говорил «спасибо». Только мороженое ни за что не захотел брать. И Мороженщик немного обиделся.

– Видал? – сказал пират, глотая слюнки. – Такому замухрышке столько провианта! Везёт людям! А нам с тобой – кукиш!..

– Хоть бы корочку дали! – жалобно заныл Дырка.

Он успел незаметно для всех и для пирата украсть несколько булок и спрятать их под плащом. А теперь ныл просто так, для вида, чтобы ни с кем не делиться булками. Они были горячими, обжигали бока, но шпион Дырка терпел.

Автомобили, оснащённые махателями, свободно разъехались в разные стороны. Булочник уехал самым последним. Он долго искал свой белый халат, но так и не нашёл. Халат украл Дырка. У Слесаря пропала отвёртка. Её тоже прихватил Дырка. На всякий случай.

Может быть, у него такая привычка. Некоторые мальчишки собирают в карманы разную мелочь: камешки, старые гвозди, гайки, ракушки, пуговицы, проволочку и медяшки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой начинаются жуткие события

Самоделкин, погрузив на тележку подарки, медленно покатил её домой.

Тележка была нелёгкой. Он толкал её, тянул, упирался ногами в мостовую, сопел, пыхтел, и тележка передвигалась понемножку.

– Негодяй! – зарычал капитан Буль-Буль. – Он уходит, и я даже не могу ограбить его! Почтенные храбрые разбойники никогда днём не грабят! В книжках так не бывает!

Дырка смотрел на Самоделкина, и невероятная мысль шевелилась в его маленькой голове. Он побледнел.

– Я, кажется, придумают такое!.. Такое!.. – зашептал он и стал оглядываться кругом.

– Ну, ну? – тоже переходя на шёпот, спросил пират. – Говори скорей!

– Нам надо схватить Карандаша и заставить его... – шпион оглянулся, – и заставить его рисовать всё, что нам захочется. Мы не будем изобретать махатели, не будем таскать ящики. Ничего не будем делать! И у нас будет все! Карандаш нарисует все! Все!!!

– Ура!.. – заревел капитан Буль-Буль и тут же сам себе закрыл рот обеими руками.

– Ура! – шёпотом сказал пират. – Я заставлю его нарисовать корабль! Не бывает морского разбойника без корабля! У меня будет корабль с огромными пушками! Я уплыву на нём в океан! В трюме корабля будет лежать солонина под названием копчёная колбаса и бочонки молока... тьфу! Бочонки вина! А потом! А потом!.. – Капитан даже задохнулся от восторга. – Потом он будет рисовать корабли, а я буду грабить их! Ооо!.. И поджигать! И топить! Он – корабль! А я – грабить! Один за другим! Один за другим!

«Рр-тяф!» – гавкнула кусачая Клякса. Она хотела сказать: «А я заставлю его рисовать мясные косточки. Одну за другой, одну за другой!»

– После меня ты самый великий разбойник! – воскликнул капитан Буль-Буль и обнял шпиона.

Горячие булки прилипли к телу шпиона.

– Ай! – завопил он.

Булки упали на мостовую. Одну из них тут же проглотила Клякса.

– Вот как? – угрожающе произнёс пират, поглядев на булки и на унылую физиономию приятеля. – Прятать?! От меня?! – Он вытащил пистолет и навёл его на длинный дрожащий нос приятеля. – Если ты ещё раз меня обманешь, я тебя пристрелю! Так и быть, прощаю. Но ты пойдёшь в дом этих маленьких бездельников и разведаеть, как можно схватить Карандаша.

– Я б-боюсь! Я слабенький! – захныкал шпион.

– Не разговаривать! – рассвирепел атаман. – Беги, пока это железное чучело Самоделкин ползёт со своей тележкой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ – о том, кик учёный доктор хотел вылечить Карандаша

К маленькому дому, спрятанному в кустах на Голубом Прохладном бульваре, подошёл доктор. Кто прислал этого доктора, кто рассказал ему про больного Карандаша, мы не знаем.

Доктор был в белом халате. От него почему-то пахло не лекарством, а маковой сдобой. Может быть, он лечил больных маковыми сдобами?

У доктора был длинный бледный нос и унылая физиономия. Он всё время оглядывался по сторонам и прислушивался. Нырнул в кусты – оглянулся. На цыпочках подошёл к двери – оглянулся. Обежал вокруг дома, заглянул в окошко, потом шмыгнул в дверь.

Карандаш крепко спал.

– Хе-хе! – сказал доктор, потирая руки. – Вот он где, жалкий Карандашишка!.. Пока твой попрыгунчик тащится, мы тебя, хи-хи, вылечим... Вынесем, хи-хи, на свежий воздух, спрячем, хи-хи...

Доктор был очень доволен. Он взял мохнатое полотенце и туго завязал рот спящему

Карандашу. Потом быстро связал ему руки и ноги.

Доктор потянул больного с кровати. Но хлопнула дверь, и вошёл Самоделкин. Один прохожий помог ему довести тележку до бульвара, поэтому Самоделкин так скоро пришёл домой.

Доктор замер от неожиданности.

– Вы кто? – спросил удивлённый Самоделкин.

– Я ды-ды-ды-доктор, – пролепетал доктор, поглядывая, как бы удрать. – Я настоящий учёный доктор. Моя фамилия... моя фамилия Пулькин! Пулькин моя фамилия!

– А как вы узнали про Карандаша?

– Мы-мы-мы все знаем...

– А что вы с ним делаете?

– Глупый мальчишка! – осмелел доктор. – Я его лечу!

– Можно мне посмотреть?

– Нив коем случае! – совсем осмелел доктор. – Иди, мальчик, погуляй. А я тебя потом, хи-хи, позову...

– Я не буду вам мешать, я тихонько буду сидеть.

– Безмозглый железный мальчишка! – прошипел доктор.

– А почему он связанный? – спросил Самоделкин.

– Невежа! – возмутился доктор. – Больным нельзя разговаривать и шевелиться! Разве ты не знаешь это! Не мешай мне своей глупой болтовнёй. Лучше скорей беги в аптеку и попроси лекарство. Не то наш бедненький, миленький, хорошенький Карандашочек умрёт и никогда, никогда не попробует пирожное, которое ты ему привёз.

Самоделкин задрожал всеми своими пружинками.

– Скажите мне скорей, какое надо взять лекарство, и я побегу в аптеку!

– Хм... – сказал доктор. – Попроси... э... попроси лекарство «бурамурадурапыр». Вот! «Наверное, самое редкое лекарство, раз оно так непонятно называется, – подумал Самоделкин. – Только учёные доктора знают про это лекарство».

«Бурамурадурапыр», – твердил про себя Самоделкин, вприпрыжку несясь по улице.

Он повернул за угол и с разбегу налетел на незнакомого человека с огромной рыжей бородой, в куртке, застёгнутой на все пуговицы.

Бородатый уплетал свежую булку.

– Проклятье! – сказал он. – Как ты смеешь бросаться на уважаемых, честных людей?

– Простите, пожалуйста, я нечаянно...

Самоделкину показалось, что бородатый подмигнул ему. «Я его где-то видел», – подумал Самоделкин, и название лекарства мигом вылетело у него из головы.

– Ой! – сказал он. – Я забыл! Я забыл, как называется лекарство!.. Кура... нюра... – вспоминают Самоделкин. – Вы не знаете, как называется лекарство? – спросит он у бородатого.

– Какое ещё лекарство? – ухмыльнулся бородатый. – Знать не хочу твоё паршивое лекарство!

Самоделкин повернулся и побежал домой. Думаете, он догадался? Ничего подобного! Он просто хотел спросить у доктора, как называется лекарство.

– Стой! – опомнился бородатый. – Какое тебе лекарство?

Но Самоделкин бежал не оглядываясь.

– Тебе говорят, стой! Не беги домой! Стой, тебе говорят! Я тебе загадку загадаю! Стой! Сказочку тебе расскажу! Сказочку! Страшную-страшную!.. – вопил бородатый, стараясь удержать Самоделкина.

Раздался короткий свисток.

– Гражданин, – строго сказал Милиционер, загораживая бородатому дорогу. – Вы нарушили правила уличного движения. Тут нельзя переходить улицу.

– Я приезжий, – услышал Самоделкин голос бородатого. – Я больше не буду! Честное

слово, не буду!..

Самоделкин взбежал на крылечко дома и чуть слышно приоткрыл дверь. Ему было очень стыдно, что он забыл название лекарства. Он хотел спросить у доктора.

Но доктор, не замечая Самоделкина, зло пыхтел, стараясь взвалить себе на плечи связанного по рукам и ногам Карандаша.

Самоделкин все понял. Он отчаянно вскрикнул, схватил железную кочергу и трахнул доктора по учёной голове.

Доктор взвыл, бросил Карандаша. И как он побежал!.. Он обогнал четыре троллейбуса, два мотоцикла, шесть велосипедов, одну легковую машину и четыре грузовика.

– Во даёт! Во даёт! – говорили мальчишки. – Ух, даёт!..

Бородатый гражданин, увидев бегущего доктора, сказал непонятно: «Попались!» – и побежал за доктором. Он догнал его только на краю города.

В эту минуту Самоделкин вспомнил, где он видел физиономию бородатого человека и доктора.

На рисунке Вени Кашкина!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ, в ней Самоделкин и Карандаш отправляются на поиски Прутика

Самоделкин стал развязывать спасённого друга и тут заметил, что Карандаш открыл один глаз, потом другой, похлопал ими, как будто хотел спросить: «Почему ты меня связал?»

– Ты молчи, – махнул на него рукой Самоделкин. – Тебе нельзя разговаривать. Дай честное слово, что ты не будешь говорить, я тебя тогда развяжу.

– Мммм... – ответил Карандаш.

Это он сказал: «Честное слово, не буду разговаривать».

Самоделкин снял с него путы, затопил печку и вскипятил в чайнике молоко, налил в чашку и заставил Карандаша выпить сначала одну, потом другую – целых три чашки молока!

– Ну, теперь скажи: «ааа».

– Аааа!

– Скажи: «ууу».

– У УУу!

– Скажи: «ооо».

– Оооо!

– Скажи: «эээ».

– Ээээ! – повторил Карандаш и показал Самоделкину язык. – Ээээ!.. А ну тебя! Я совсем здоров! У меня теперь ничего не болит. Мне даже приснилось, как мы с тобой летали на самолёте, а потом разбились на кусочки. Вот весело было...

– Ты здоров?

– Я здоров!

Самоделкин вытащил друга из постели. Они запрыгали по комнате, затанцевали от радости.

Нам не надо докторов,
Ты здоров, и я здоров!

А потом устроили пир на весь мир, кидая птицам сладкие крошки.

– Где мальчик? – спросил Карандаш. – Ты, наверное, разрешил Прутику поиграть с ребятами? Надо скорей позвать его и накормить пирожными.

Самоделкин загрузил. Он перестал смеяться. Он только уныло звякал своими пружинками.

Карандаш очень удивился.

– Ты заболел?

– Нет, я здоровый. Просто мне грустно.

И железный человечек поведал Карандашу печальный рассказ о том, как Прутик стал Юным Техником.

Волшебный художник встал.

– Мы найдём Прутика! Мальчик не будет обманщиком! Идём, Самоделкин!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ – о том, как разбойники поехали на лошадках

Капитан Буль-Буль, морской разбойник, поймал доктора за край халата, и только тогда резвый доктор остановился. На лбу доктора сияла велико-лепная синяя шишка. Доктор снял свой халат и перестал быть учёным доктором. Он разодрал халат на тряпки, как бинтом, замотал себе голову, чтобы никто не видел позорную шишку на лбу.

– Герой, – съязвил пират. – Не мог справиться с какими-то замарашками-чебурашками!

– Попробуй поговори с этим железным чучелом! Он дерётся!

– Подумаешь! Я тоже люблю подраться! Дать кому-нибудь разок по шее.

– Знаем, знаем, какой ты храбрый, – проворчал шпион.

– Что? Что? – нахмурился пират.

– Я говорю, вы самый храбрый... Ой, как больно! Проклятый железный мальчишка! – ныл обиженный Дырка.

– Не горюй! – пират похлопал приятеля по плечу. – Мы их поймаем! Карандашки-таракашки от нас не уйдут! Клянусь дохлой акулой!

– О, я развинчу этого мальчишку! Пovyдергаю пружинки! Раскидаю! Растопчу! Распилю на части! Я! Я... Ой, как больно!

– Не будем терять ни минуты! Вот возьми у меня один пистолет. Он тебе пригодится. Поспешим! – сказал пират, протягивая пистолет.

– Как мы найдём дорогу? – простонал Дырка. – Я теперь ничего не помню.

– Вперёд! – скомандовал капитан Буль-Буль. – Поймать! Схватить! Развинтить! Клякса, веди нас, пёсья душа! У меня руки чешутся поколотить этих...

Пират хотел сказать, кого он собирается поколотить, но глаза пирата увидели двух маленьких симпатичных лошадок, привязанных к невысокой ограде небольшого сада. Лошадки мирно щипали свежую зелёную травку. Одна лошадка была рыжая с белыми пятнами, другая – белая с рыжими пятнами.

– По коням! – закричал капитан Буль-Буль голосом Вени Кашкина. – По ко-оням!

Разбойники сели на лошадок и поскакали.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ, а которой никто не может помочь Карандашу и Самоделкину

Если вы желаете узнать, где продают билеты на Луну, где записывают мальчишек на ракеты, если вы хотите знать, кто сильнее: слон или кит, – подойдите к справочному бюро. В каждом городе на улицах стоят стеклянные будочки, похожие на фонарики. Это справочное бюро.

В одном таком фонарике на Ясной площади сидела молодая девушка и читала книгу. Почему-то сегодня её никто не спрашивал, где продают билеты на Луну, поэтому юная Справочница успела прочитать восемьдесят восемь страниц, перевернула ещё один листок. И как раз на восемьдесят девятой странице в окошке фонарика появился нос Карандаша и макушка Самоделкина.

– Тётя, как нам найти мальчика Прутю? Он стал Юным Техником.

– Ах, – вздохнула девушка, – в нашем городе сорок семь тысяч двести семьдесят пять юных техников! Сколько ему лет?

– Ему?.. Два дня...

– Вы шутите! – засмеялась девушка. – Я на шутки справок не даю.

Девушка подумала: «Какие смешные ребята! Интересно, кто они такие? Вы кто?» – хотела спросить она и не спросила.

На площадь выехали два необыкновенных всадника на рыже-белых лошадах. Один всадник был очень интересный бородатый мужчина, другой – тонкий, как спичка, с длинным носом и с поднятым воротником. Девушка загляделась на лошадей. Она их видела только в кино.

Всадники, озираясь, подъехали к воротам зоопарка, спрыгнули с коней, побежали по тротуару вслед за мохнатой чёрной собакой. Собака вела их туда, где стояли Карандаш и Самоделкин.

С Ореховой улицы на площадь выскочил сердитый красный мотоцикл с Милиционером. Он подлетел к лошадам, остановился.

– Опять эти лошади! – строго заметил Милиционер. – Где хозяин лошадей?

Но капитан Буль-Буль и шпион Дырка в эту минуту незаметно следили за Карандашом и Самоделкиным. А те не замечали ни своих преследователей, ни лошадей, ни Милиционера. Они стояли перед огромной витриной магазина игрушек. А разве можно думать о чем-нибудь постороннем, когда стоишь у та-кой чудесной витрины!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, про стеклянную витрину, заколдованную железку, Серого Волка и Красную Шапочку

За большим, чистым, как зеркало, стеклом витрины сидел игрушечный Серый Волк с разинутой пастью. Он хитро поглядывают на игрушечную Красную Шапочку. Она держала в одной руке маленькую корзинку, а в другой – букетик ромашек. Она хотела спросить Волка: «Почему, Серый Волк, у тебя такие большие зубы?» Хотела – и не могла. Ведь она была игрушечная!

Серый Волк тоже хотел сказать: «А для того, Красная Шапочка, у меня такие большие зубы, чтобы тебя съесть!» Но Волк не мог ничего сказать. Он игрушечный.

Тогда Красная Шапочка, наверное, подумала: «Надо скорей убежать!» И не побежала, потому что была игрушечной. А Волк подумал: «Надо её догнать!» И не стал догонять. Он был не заводной волк, а плюшевый, набитый ватой. Чтобы игрушечные волки не бегали и не кусались, их не делают заводными.

Так они стояли, Серый Волк и маленькая Красная Шапочка. Прохожие смотрели на них и думали: «Надо купить одну Красную Шапочку, без Волка. Ей тогда не будет страшно. А Волк пускай стоит на витрине один. Сам виноват!»

Заиграла весёлая музыка. Раскрылись двери магазина, и радио сказало на всю площадь:

– Юные техники! Спешите в наш магазин! Раньше мы продавали только игрушки, а теперь каждый может купить у нас в магазине разные полезные вещи. Молоток, пилу, гвозди, винты, рубанки, всякие колёсики, рейки, планки. Две тысячи разных приспособлений для постройки тысячи разных машин, заводных паровозиков, парусных кораблей, самолётов и вертолётов.

Юные техники, заходите в наш магазин! Папы и мамы, скорее ведите ребят в наш магазин!

– Ты слышал? – сказал Самоделкин. – Они зовут юных техников. Значит, и наш Прутик придёт!

– Правильно! – согласился Карандаш.

И они вбежали в огромные двери магазина, даже не заметив, как за ними следом шмыгнули мрачные, злые разбойники.

В магазине было шумно: кричали заводные петухи, пищали резиновые зверушки, играли гармошки, трубили дудки, били барабаны, звенели бубенчики.

Вот стучат молотки – это ребята пробуют, можно ли молотком забить настоящий, не игрушечный гвоздь.

А вот шумят пилы – это ребята пробуют распилить настоящую доску.

Карандаш и Самоделкин, взяв друг друга за руки, бегали по магазину с этажа на этаж, разыскивая Прутика.

В другое время Самоделкин тоже испытал бы и молоток и пилу, но сейчас было некогда. Маленький Прутя каждую минуту мог появиться в магазине – так думали Карандаш и Самоделкин.

– Когда же он придёт? – вздыхал железный человечек.

А разбойники шныряли среди покупателей, прятались то за колонной, то за широкой спиной дяди с чемоданами, то за юбкой гражданки с авоськой.

– От нас не уйдёте! – шипел, как пила, Дырка.

– Попались, голубчики!.. – радовался пират.

Чтобы лучше видеть Карандаша и Самоделкина, пират подобрался к большому столу, на котором лежала всякая всячина для юных техников. Какая-то железка, похожая на подкову, неожиданно подпрыгнула со стола, больно ударила пирата в бок и прилипла к нему.

– Она дерётся!

– Кто дерётся? – насторожился Дырка.

– Эта проклятая железка! – Пират в ярости оторвал от себя железку и бросил её на пол.

Но железка падать не стала, подпрыгнула и стукнула пирата в живот.

– Проклятье! – зарычал пират. – Заколдованная железка!

– Уф, как вы меня испугали! – сказал Дырка. – Не волнуйтесь, это не простая железка – это магнит. Он прилипает к вашему ножичку.

Шпион взял магнит и незаметно сунул его в карман, сказав:

– Пригодится!..

Пока разбойники воевали с магнитом, Карандаш и Самоделкин спрашивали молоденькую Продавщицу:

– Извините, пожалуйста, мы ждём Прутика. Вы не видели Прутя? Он – Юный Техник!

– А что он мастерит?

– Он любит кораблики.

– Кораблики? Тогда бегите на Тихую набережную. Там ребята испытывают игрушечные пароходы. Мне почему-то кажется, что ваш Прутя, наверное, там. Поверните налево, потом направо... Пожалуйста!..

Карандаш и Самоделкин пробирались к выходу, когда разбойники опять их заметили.

– Вот они! Догнать! – завопил пират.

Правда, никто не обратил внимания на этот крик – так было шумно в магазине.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, самая весёлая

Разбойники, толкая покупателей, бросились догонять Карандаша и Самоделкина. Но попробуй догони кого-нибудь в магазине! Кругом люди. Все идут в разные стороны, спешат.

Разбойники выскочили через какую-то дверь на улицу. Но, оказывается, это была совсем не улица. Перед ними стояла игрушечная Красная Шапочка. Серый Волк хитро поглядывал на них и скалил зубы.

– Это витрина! Мы попали на витрину! Скорей назад!

Но маленькая дверь, задетая плечом пирата, захлопнулась, как только разбойники вбежали на витрину, закрылась на замок.

– Мы в западне! – воскликнул пират. – Я разобью проклятую стекляшку!

– Стойте, капитан! – прошептал Дырка, показывая на улицу. – Они идут! Они могут

заметить нас! Тихо! Не шумите!

Карандаш и Самоделкин приближались к витрине. Как раз мимо этой витрины шла дорога на Тихую набережную.

Разбойники в панике заметались по витрине, стараясь куда-нибудь спрятаться. Но прятаться было некуда. Все видно!

– Я не хочу в милицию! Не пойду в милицию! – закричал пират. – Я больше не буду!

Шпион, бегая по витрине, задел нечаянно Красную Шапочку, споткнулся и напал на её ногу. Бедная Красная Шапочка упала на пол, растеряв свои ромашки.

– Гадкая девчонка! – разозлился Дырка и вдруг подскочил от радости. – Я, кажется, придумал!

Он сорвал с игрушечной Красной Шапочки знаменитую красную шапочку, фартучек, платье, корзинку, шарфик. В одну секунду напялил все это на себя. Только светлый девочкин шарфик бросил пирату.

– Спрячьте вашу бороду, капитан! Вы станете охотником! А я, хи-хи, буду Красной Шапочкой...

Капитан Буль-Буль замотал шарфиком рыжую бороду, чтобы его не узнали. Вытащил свой огромный пистолет, направил его на волка и замер, как будто бы он игрушечный охотник.

– Смотрите, смотрите, – заговорили прохожие, останавливаясь у витрины. – Вот игрушечный охотник. Раньше его не было. Это новая игрушка. Интересно, сколько она стоит? Ах, какой храбрый охотник! Совсем как настоящий! Ну. Серый Волк, берегись!..

Карандаш и Самоделкин прилипли носами к стеклу витрины. Они тоже не могли пройти мимо.

– Какая страшная Красная Шапочка! – удивился Карандаш. – Почему у маленькой Красной Шапочки такой длинный нос?

– Все девчонки любопытные, – сказал Самоделкин, – поэтому нос у неё вырос такой длинный.

– Погляди-ка, погляди! У Красной Шапочки почему-то забинтована голова!

– Наверное, Серый Волк её укусил.

– А ты видишь, какой сердитый охотник и какой у него большой пистолет?

– Охотнику для Волка нужен большой-большой пистолет.

Так разговаривали между собой Карандаш и Самоделкин. «Красная Шапочка», не мигая, смотрела на любопытных друзей, краснея от злости.

«Проваливайте, мерзавчики! – думала «Красная Шапочка». – Проваливайте поживей, маленькие негодяйчики! У меня руки онемели, ноги затекли!»

Муха, самая обыкновенная муха, летала по витрине перед носом «Красной Шапочки».

– Ж-ж-ж-ж-ж! – пела муха. – Ж-ж-ж-жарко!

Бедная «Красная Шапочка» чуть не плакала от ярости.

– Какие у Красной Шапочки злые-презлые глаза, – покачал головой Карандаш.

– Жжж-ж-ж-жарко! – пропела муха и села на длинный потный нос «Красной Шапочки».

Тут «Красная Шапочка» не вытерпела, сморщилась и чихнула так, что муха пулей отлетела прямо в глаз «охотнику». Бедный «охотник» взбрыкнул ногами, заорал диким голосом.

– Ой! – сказал поражённый Карандаш.

– Ай! – вскрикнул Самоделкин и весело засмеялся.

– Здравствуйте, почтенный доктор Пулькин! Как поживает ваша почтенная шишка?

«Красная Шапочка», скрипя зубами, как настоящий Серый Волк, махала кулаками, прыгая по витрине. Это было очень, очень смешно!

– Ха-ха-ха! – смеялись Карандаш и Самоделкин.

– Негодяи! – рычал «охотник».
– Тю-тю-тю!.. – хохотал Самоделкин, показывая разбойникам дразнилку под названием «нос».

Разбойники, забыв про стекло, в бешенстве кинулись вперёд.

«Буммм!»

Крепкое стекло ударилось о некрепкие лбы разбойников, и они шлёпнулись на пол.

– Ой, ха-ха-ха! Хо-хо-хо! – заливались прохожие.

– До свиданья! Счастливо оставаться! – крикнул Карандаш.

– Пока!.. – Самоделкин помахал разбойникам рукой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ, в ней появляется настоящий удивительный кора-блик

Наши друзья прибежали на Тихую набережную, к широкой голубой реке.

Большая нарядная лодка, вся украшенная флагами, тихо плавала по самой середине реки, там, где через неё был перекинут Радужный мост. Ветерок шевелил яркие флаги на лодке, на них были подвешены бубенчики. Бубенчики звенели, как новогодние стеклянные сосульки.

В лодке сидели горластые мальчишки, махали руками, шумели на всю речку, от берега до берега:

– Дайте мне, пожалуйста, вон этот! С красной трубой!

– А мне достаньте белый пароходик! Он самый быстроходный!

– А мне чёрный с двумя трубами...

Пожилой усатый дядя, похожий на моряка, вылавливал из реки простым сачком заводные пароходики, стряхивал с них воду и подавал мальчишкам, по выбору, кто какой просят. Вся река была усеяна плавающими заводными пароходиками. Они скользили по воде в разные стороны, качались на волнах, давали сигналы, пускали дым из труб.

С высокого Радужного моста и с берега на лодку смотрели другие нетерпеливые мальчишки.

– Наша очередь выбирать пароходики! – шумели они. – Когда же лодка приплывёт за нами?!

Но среди мальчишек Прути не было. Может быть, он в лодке? Но лодка далеко, с берега плохо видно.

– Пру-утя-аа!.. – крикнули вместе Карандаш и Самоделкин.

Им никто не ответят. На них никто не обращал внимания. Все глядели на лодку, на которой висел цветной плакат:

ПЛАВАЮЩИЙ МАГАЗИН Продажа заводных пароходиков.

А мальчишки с лодки совсем не торопились на берег. Они выбирали кораблики, внимательно разглядывая каждый: как он плавает, как поворачивает, как гудит. Выбрать пароходик – дело серьёзное, каждый знает это.

– Послушай, Карандашик, – предложил Самоделкин. – Ты нарисуй кораблик. Если Прутя в лодке, он увидит и сразу попросится на берег.

– Правильно, – сказал Карандаш. – Я так а сделаю. Только где же я буду рисовать? Надо кораблик поставить на воду, а на воде рисовать нельзя. Придумай что-нибудь.

– Я придумал. Нарисуй сначала верёвочку. Я спущу тебя вниз, а ты будешь рисовать прямо на каменной стенке берега. Ты рисуй военный корабль. С пушками! Все мальчишки почему-то очень любят пушки...

Маленький художник нарисовал верёвочку, Самоделкин привязал её к поясу

Карандаша, и тот перелез через парапет набережной.

Самоделкин остался на берегу.

Никто не видел, как рисовал Карандаш. Но зато, когда на речные волны лёг необыкновенно красивый парусный корабль, все мальчишки на берегу, в лодке, на мосту ахнули в один голос, а лодка поплыла к берегу.

– Смотрите! Смотрите! Кораблик!

– Чей кораблик? Чей?

– А я знаю! Тут кино будут снимать!

– Какое кино?

– Про моряков!

– Ну да?

– Конечно!

– Вот это кораблик!

Все торопились посмотреть на корабль.

У самой реки рабочие строили высокий новый дом. Им сверху все хорошо было видно.

– Смотрите, – сказали рабочие, – какой-то мастер сделал настоящий парусный кораблик. Наверное, для ребят. Он молодец!

Паруса на кораблике были спущены, якорь на железной цепочке брошен в речную воду. Медные настоящие пушки сверкают на солнце. На корме горят золотые буквы:

«ПРУТИК».

Корабль гордо покачивался, готовый отправиться в любую минуту в самое далёкое плавание. Даже в кругосветное!

Карандаш улыбался от радости, Самоделкин прыгал от восторга.

– Вот обрадуется мальчик!

Нарядная лодка подошла к причалу. Ребята, как лягушки, повыскакивали на берег, побежали туда, где стоял чудо-корабль.

Но Прутика среди них не было.

Усатый дядя, похожий на моряка, постоял одиноко в своей лодке, подумал, подумал, рукой махнул и повесил на мачте небольшую табличку:

ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

– Эка невидаль – кораблик! Мы и не такое видывали! Не в такие волны поплёвывали! – бормотал дядя, выбираясь на берег.

– Дяденька, – спросил Карандаш, – вы не встречали Прутю?

– А на каком таком-сяком корабле служит ваш Прутя? – пробасил дядя, закуривая папиросу.

– Он разве служит? – растерялся Карандаш. – Он Юный Техник...

– Ах, юный техник? Ну, тогда всё ясно, как в тумане. В день я вижу по две тысячи юных техников, каждый третий – обязательно Прутя.

– А?! – сказал Карандаш, ничего не понимая.

– Ну ладно, братишки, я пошутил. Если хотите поймать вашего Прутю, ступайте завтра на Весенний проспект. Ровно в полдень там начнётся парад юных техников. Зачем они соберутся – это вы сами завтра увидите. Конечно, ваш Прутя будет на параде, если он юный техник.

– Спасибо, дяденька, – не очень весело сказали друзья. – Но мы не знаем, где Весенний проспект.

– Сразу видно, приезжие! Ну, тогда я вам все расскажу. Если вы не против, зайдём сначала в приморскую столовую, закусим! Я проголодался.

Он повёл их в небольшое полотняное кафе, стоявшее на берегу реки.

По набережной шёл народ посмотреть на диковинный корабль.

Мальчишки ну просто висели на каменных перилах.

Лёгкий деревянный трап-лестница был перекинут с берега на корабль. По такой шаткой лесенке мог пройти, конечно, только бывалый моряк.

Среди мальчишек бывалого моряка не оказалось.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ, опять про двух маленьких лошадок

Две маленькие лошадки по-прежнему стояли у ворот зоопарка.

Лошадки печально махали рыжими хвостиками, смотрели на любопытных прохожих и молчали. А любопытные прохожие смотрели на лошадок и разговаривали.

– Чьи лошадки? – спрашивал Милиционер.

– Это, наверное, дикие лошадки, – сказал кто-то.

А из ворот зоопарка выбежал румяный очкастый человек.

– А ну, покажите! Где лошадки? Пропустите меня, товарищи! Я Директор зоопарка.

– Видали? Он директор! А звери бегают! По улицам бегают!

– Это не звери, граждане! Это лошадки! Ах, какие лошадки! Редкая порода! Самая редкая!.. Бедняжки вы мои голодные!..

– Безобразие! – сказал кто-то. – Лошадки, оказывается, голодные! А ещё директор называется! Он директор, а лошадки голодные.

– Надо в газету написать. Я этого так не оставлю! – сказал один прохожий, подавая лошадке свежий, мягкий батон.

А другой прохожий надел на голову другой лошадке целую авоську с булками, как торбу.

– Я забираю лошадок! – категорически заявил Директор. – Кто захочет посмотреть на них, приходите в зоопарк. Лошадки будут катать маленьких ребятишек. Бесплатно!

Разбойники, сидевшие в душевной витрине магазина, точно в стеклянной банке, видели, как лошадок повели в зоопарк.

– Грабят! – закричал пират. – Это наши кони! Личные кони!

Он стал ругаться, но его никто не слышал. На разбойников никто больше не смотрел, кроме Кляксы. Она терпеливо сидела у витрины, изредка гавкая на прохожих.

За дверью витрины что-то загудело, щёлкнул замок, дверь открылась, и вошла Уборщица с пылесосом в руках.

– Батюшки! Да как вы сюда попали? Беспорядок навели! Вот я милицию позову!

– Мы нечаянно! – жалобно сказали разбойники. – Мы больше не будем!

– А тебе стыдно, девочка! Ты уже большая, – сказала Уборщица переодетому шпиону.

– Ааа!.. – заныл Дырка.

– Пожалуйста, не плачь! Я не выношу, когда дети плачут. Иди, но в другой раз не попадайся. Мама тебя, наверное, ждёт.

Разбойники выскочили из магазина. Клякса громко залаяла. Шпион показал оторопевшей Уборщице кукиш, и они убежали.

Клякса повела разбойников к Тихой набережной, по следам Карандаша и Самоделкина.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ – о том, как все кричали «право руля?» и «лево руля!»

– Корабль! – воскликнул пират, увидев корабль под названием «Прутик». – Настоящий корабль! Чей корабль? Захватить! На abordаж! В атаку! За мной! Ура!.. – Но сам

почему-то стоял на месте, не двигаясь.

Вокруг было столько народу! Столько мальчишек! Даже несколько милиционеров.

Верная Клякса тянула поводок, за который придерживал её переодетый шпион.

– Понятно, – сказал Дырка. – Этот кораблик нарисовал подлый Карандашишка! И на корабле сейчас никого нет. Как бы нам туда забраться?

– Смотрите! Смотрите! Вон идёт капитан корабля! – закричали мальчишки, увидев пирата в полосатой тельняшке.

– Да-да! Я капитан!! Это я капитан! – обрадовался пират. – А ну, давай мне дорогу! Я капитан!

Разбойники по трапу взбежали на корабль.

– Ура! – гаркнул пират. – Корабль! Мой корабль! Ура! Вира! Карамба! – выкрикивал пират непонятные слова.

Каждый настоящий морской разбойник всегда выкрикивает на корабле не-понятные слова, иначе какой же это морской разбойник!

– Лево руля! Право руля! – кричал пират. – Карамба! Вира! Касторка!.. Право руля! Лево руля!

– Лево руля! – повторили восторженные мальчишки.

– Ура! – голосил пират.

– Урааа! – подхватили все окрестные мальчишки. – Лево руля! Полный вперёд!

– Кто командует? – опомнился пират. Он посмотрел на мальчишек и замахал руками. – Р-разойдись, народ! Нечего глазеть! Кыш!

– В самом деле, граждане, – сказали милиционеры, – не мешайте людям работать.

Взрослые пошли по своим делам. А мальчишек увели прибежавшие сюда мамы и папы.

– Девчонок берут на корабль! А нас не берут! – шумели мальчишки, показывая пальцами на переодетого шпиона.

Когда набережная опустела, морские разбойники подняли на корме пиратский флаг с косточками.

Всем разбойникам нравится такой флаг. Мохнатой Кляксе понравились белые косточки.

Мы разбойники-душегубчики!
Чики-брики! Карамба! Компас!

Это капитан Буль-Буль запел от радости пиратскую песню. Пираты всегда поют пиратские песни. А капитан Буль-Буль настоящий пират.

Если нам попадётся, голубчики,
Будет жалко нам, бедненьких, вас!

А разбойник Дырка подхватил писклявым голосом:

Ой, как жалко нам, бедненьких, вас!

Буль-Буль воинственно махнул рыжей бородой:

Мы р-разбойники, мы грабители!
Нет на свете пиратов лютей.
Уважаемые р-родители,
Прячьтесь, прячьтесь скорее детей.

Пели очень довольные разбойники. А капитан Буль-Буль пропел ещё такой совсем непонятный припев:

Хрундиляк и пундиляк!
Брундиляк и хрундиляк!

Наверное для того, чтобы все вокруг очень испугались.

Разбойники думали, что после такой разудалой песни вряд ли кто-нибудь осмелится подойти к причалу, туда, где стоит парусный корабль. Но почему-то на берегу снова стали собираться мальчишки. Поэтому разбойникам ничего не оставалось делать, как убежать в каюту.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ, в которой шпион идёт по следу

В каюте корабля пираты собрались на военный совет.

– Мы не можем плыть в океан, пока не сцапаем Карандашишку!

– Я никуда не поеду, пока не сверну голову железному чучелу Самоделкину!

– Поймать!

– Схватить! Развинтить!!

Так разговаривали между собой разбойники.

– Слушай, Дырка, – сказал пират. – Если ты знаменитый шпион, ты будешь выслеживать! А ты, Клякса, будешь вынюхивать! А я буду хватать! Хватать и грабить!

Разбойники с Кляксой вышли на берег.

Клякса побежала вперёд, обнюхивая мостовую. Потом остановилась рядом с урной для мусора, начала кружиться на месте.

– Понятно! – сказал шпион. – Они стояли тут!

Он вынул из кармана увеличительное стекло и стал внимательно разглядывать мостовую.

– Они разговаривали с кем-то! – сообщил Дырка. – Я вижу следы ботинок сорок пятого размера. Следы мокрые. Рядом пепел. Табачный пепел!

Шпион поглядел в урну для мусора, перевернул её. На мостовую полетел один-единственный окурок. Шпион схватил его, стал разглядывать через увеличительное стекло.

– Ботинки сорок пятого размера курили папиросы «Морские».

– Не может быть! Неужели тут был настоящий моряк? – спросил пират.

– Вперёд! – сказал шпион.

Клякса нетерпеливо натянула поводок.

Они бежали к большой полотняной палатке, раскинутой на берегу реки.

В палатке стояли белые столики, звучала тихая музыка. Из палатки на всю набережную плыл необыкновенный, вкусный, как жареная колбаса, приятный аромат.

В палатке никого не было.

Разбойники, облизываясь, оглядываясь, вошли внутрь. Клякса потянула в угол и закружила вокруг пустого стола.

– Они тут обедали! – догадался шпион.

– А что ели? – облизнулся голодный пират. – Какой обед?

Шпион залез под стол, но нигде не нашёл никаких следов от обеда.

– Странно! – сказал он, крутя носом. – Ничего нигде не валяется, ни крошки, ни корочки! Никаких объедков! Даже не могу сказать, какой обед они ели!

«Гав! Гав!» – пролаяла Клякса, нюхая воздух. «Мясные котлеты, кефир, яичницу!» – хотела сказать она.

Но пират больше не думал про Карандаша и Самоделкина. Капитан Буль-Буль жадно

смотрел на другой столик. На нём сияли тарелки с белым и черным хлебом, стояли горячие кастрюльки с мясными жареными котлетами, куриными бедрышками, с печёным картофелем, с горячим душистым супом. Холодные кастрюльки с вишнёвым компотом и с клюквенным киселём.

Сбоку лежала нарядная салфетка с вышитой надписью:

«Здравствуйте!

Садитесь, пожалуйста, как у себя дома. Наливайте сами горячий суп, выбирайте второе, берите всё, что вам понравится! Деньги за обед положите в синюю коробку.

Грязную посуду, если вам не трудно, поставьте в шкаф, который стоит рядом с умывальником. Шкаф сам вымоет посуду.

Будьте здоровы!»

Разбойники набросились на еду. Они моментально проглотили всё, что можно было проглотить, швырнули под стол куриные косточки, объеденные корки. Напоследок вытерли о скатерть испачканные клюквенным киселём руки, а шпион показал кукиш синей коробке.

Они бежали от палатки сломя голову.

Пират и шпион оглядывались назад, а сытая Клякса тянула их вперёд и вперёд по следам Карандаша и Самоделкина.

«Тяф! Тяф!» – «За мной!» – хотела сказать она.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ, в ней разбойники становятся октябрятами

Клякса привела разбойников к станции метро, похожей на стеклянный дворец.

– Нас обманули! Негодяи спрятались под землю! – догадался Дырка.

Но разбойников не пустили в метро – ведь у них не было билетов.

– Проклятье!.. – Пират хотел вынуть свой огромный пистолет и выстрелить в кого-нибудь от злости.

Но все прохожие громко разговаривали, смеялись, и никто не боялся пирата. Нисколько! А когда разбойника не боятся, он сам всех боится.

Мимо разбойников шёл народ. Горожане спешили в метро. Все любят кататься на метро!

К станции подошёл отряд малышей в белых рубашках, с красными звёздочками на груди. Отряд вела курносая девушка – Воспитательница. Ребята пели звонкую, весёлую песенку:

Мы весёлые ребята!
Раз-два!
Наше имя октябрята!
Раз-два!

Прохожие смотрели на ребят и улыбались.

– Очень хорошие ребята! – говорили прохожие. – Крепкий народ эти ребята!

А шпион Дырка подмигнул пирату, показал на поющих ребят, и разбойники незаметно присоединились к отряду. Капитан Буль-Буль замотал бороду шарфом и запел разбойничьим голосом:

Мы весёлые ррр-рыбья-ата!
Р-рраз и два!..

Шпион Дырка подпевал ему, гнусая:

Мы – ребята, октябратки...

Разбойники думали, что они теперь очень похожи на октябрат, поэтому Воспитательница ничего не заметит и возьмёт их вместе с ребятами покататься на метро.

Воспитательница оглянулась и увидела пирата.

– Мальчик, ты кто?

– Я Петя, – соврал пират.

– Но почему ты хрипишь?

– У меня горло болит.

– Он мороженым объелся, – добавил Дырка.

Воспитательница побледнела.

– Горло болит?! Вы слышите? У мальчика болит горло! Мальчик болен!!!

– Где больной мальчик? – заволновались прохожие. – Где?

– Мальчик болен!

– Мальчик больной!

– Надо немедленно вызвать «скорую помощь»!

– Ах, какая беда! Мальчик заболел!

Остановились троллейбусы, автомобили, автобусы. Бледные пассажиры выглядывали из окон.

– Какая неприятность! Какое несчастье! Мальчик болен!

Разбойники ничего не успели сообразить. Гудя сиреной, подъехал белый автомобиль, распахнулись дверцы. Два человека в белых, как простыня, халатах уложили пирата в носилки, понесли в белую машину с красным крестом на стекле.

Капитан Буль-Буль брыкался, кричал:

– Я здоров! Не хочу в больницу! Я р-разбойник! Я капитан! Дырка, на помощь! Выручай!

Люди вздыхали:

– Бедный, бедный мальчик! Ему совсем плохо! Слышите, как он бредит?

Хлопнула дверца, гукнула сирена. Пирата увезли в больницу.

Ничего не поделаешь. Когда мальчик болен, кричи не кричи – в кровать уложат. И градусник поставят. И лекарство дадут выпить.

А Дырка? Думаете, ему стало грустно? Совсем наоборот. Он хихикал от удовольствия.

«Так тебе и надо, бородатый! – радовался Дырка. – Лежи в кроватке, пей касторочку. Я без тебя справлюсь.

Хи-хи-хи! Все мне достанется: и корабль и Карандаш! Все моё! Хе-хе...»

Ребята вошли в метро вместе с этой странной хихикающей девочкой в красной шапочке.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ, опять про голубей, которые нарушают правила уличного движения

Чёрная Клякса, тьявая, побежала вдогонку за белым автомобилем. Он летел по улицам, как молния, как ракета. Водитель хотел проехать самой короткой дорогой. Больной мальчик махал руками, продолжая кричать разбойничьим голосом:

– Не хочу в больницу! Я рр-разбойник!

Шарф, которым он был укутан, разматываются, и рыжая борода вылезла наружу, к удивлению Доктора.

– Борода, – побледнел Доктор. – У мальчика выросла борода! Какая-то новая болезнь!

Скорей в больницу!

Но белый автомобиль, как нарочно, замер на месте.

– Скорей! – торопил Доктор, – Скорей!

– Не могу! – бледный Водитель показал на мостовую. – Голуби! Голуби на дороге.

Метают!!

– Вася! – простонал Доктор. – Но почему ты поехал без махателя?

– Виноват! Я забыл...

– Вася, как это ни грустно, мне придётся тебя наказать. Вася, ты получишь выговор!

Доктор вышел из автомобиля помахать на голубей:

– Кыш! Кыш! Кыш!

Пират быстрее, чем ракета, выскочил в приоткрытую дверь. Доктор не успел увидеть, в какой переулок нырнул бородатый мальчик. Вокруг машины спокойно разгуливали голуби, не обращая внимания на стонущего Доктора, на Васю, на белый автомобиль.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ, в которой нельзя рисовать

Но где же наши маленькие друзья – весёлый Карандаш и мастер Самоделкин?

Усатый дядя, похожий на моряка, тот самый дядя, который продавал заводные паровозики, накормил Карандаша и Самоделкина вкусным обедом и с ними вместе потел в метро.

– Братишки, – сказал дядя, – сразу видно – вы приезжие, а раз так, вам надо посмотреть метро!

На длинной бегущей лесенке-чудесенке втроём они спустились в подземную станцию, вошли в голубой длинный-длинный поезд и начали кататься.

На станции под названием «Чистый переулок» усатый дядя, похожий на моряка, вышел, пожав на прощание руки маленьким друзьям.

А Карандаш и Самоделкин побежали разглядывать подземный дворец. Они смеялись от радости, хлопали в ладошки, подпрыгивали.

– Ой, красота! – охал Самоделкин.

– Ай, красота! – говорил Карандаш. – Мне тут очень-очень-очень все нравится! Я нарисую тут живые пальмы с кокосовыми орехами, фонтаны с настоящими золотыми рыбками, живые цветы! Я обязательно все это нарисую!

Он даже провёл по стенке первую линию, но строгая тётя возмущённо сказала:

– Молодой человек, не пачкайте стны! Сотрите немедленно!

– Надо рисовать ночью, когда никого не будет, – сказал хитрый Самоделкин.

– Правильно! Будем рисовать ночью, – подмигнул Карандаш.

Вот почему Самоделкин и Карандаш катались на метро до самой ночи. Они выбегали на каждой станции, садились на другой поезд, ехали неизвестно куда, совсем не подозревая, что где-то рядом за ними гонится, разыскивает их пронырливый шпион Дырка.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ, самая страшная

Отгадай загадку: «Где на свете самая короткая ночь?» Будешь думать, все равно сразу не отгадаешь. Самая короткая ночь бывает в метро.

Наверху, на земле, наступила ночь. А в метро было светло как днём. Только стало немного тише.

Но вот побежал по тоннелям от станции к станции последний поезд. В пустынном вагоне кое-кто уже сладко дремал. Один маленький гражданин даже крепко спал. Он с головой завернулся в плащ. Только длинный бледный нос гражданина выглядывал наружу и как-то подозрительно посвистывал: «Фьюить, фьюить! Вы тут, вы тут, вы тут!»

А впрочем, это, наверное, нам показалось. Маленький гражданин просто спал. Вот

посмотрите на этого гражданина. Он, конечно, спит!

А поезд очень торопился. Он мимоходом обежал ещё несколько станций. Но радио сказало:

– Граждане, дальше поезд не пойдёт. Метро закрывается. До свиданья! Спокойной ночи!

Карандаш и Самоделкин вышли из вагона, тайком залезли под какую-то скамейку – и ни гугу!

На станции было темновато, как вечером на маленькой городской улице. Яркие лампочки погасли. Горели только самые неяркие. Поэтому никто не заметил проделку друзей. Никто, кроме... Но мы ещё не знаем, кто их заметил.

На станцию приехали уборщицы в халатах. Они включили поливальные машины, самоходные веники, долго мыли, вытирали станцию. Потом на бегущей лесенке поднялись вверх.

Лесенка после них побежала совсем пустая. Дежурный Монтер выключил её, запер станцию на замок и пошёл домой.

На станции горели ночные фонарики.

– Пора! – Самоделкин помог Карандашу выбраться из-под скамейки.

– Ой, как темно! Жуть!

– Жуть! – повторил кто-то.

– Ой! – вздрогнул Карандаш.

– Ой! – передразнил кто-то.

– Не бойся, – сказал догадливый Самоделкин. – Это всего-навсего эхо. Пожалуйста, не бойся.

– Бойся! Бойся!.. – подхватило эхо.

– Страшновато, – прошептал Карандаш.

– Не обращай внимания, – сказал Самоделкин. – Давай рисовать.

Маленький художник полез в карман за цветными карандашами.

– Попались, голубчики! Вот вы где! Давненько я за вами бегаю!

Ну, конечно, это был шпион Дырка.

Он сидел под соседней скамейкой, пока уборщицы мыли станцию

– Руки вверх! – закричал Дырка, вынимая пистолет.

– Бежим, Карандашик! Бежим!

Находчивый Самоделкин дёрнул Карандаша за руку.

– Стой, стрелять буду! – верещал Дырка.

Бабах! – загремел выстрел. – Бабах!..

Пуля попала в ночную лампочку, лампочка разлетелась на мелкие кусочки. Стало почти совсем темно и очень страшно.

– Бежим! Скорей бежим! – воскликнул Самоделкин.

Они спрыгнули на рельсы и побежали в чёрный тоннель, по которому днём так весело катились поезда.

– Куда вы, ребята? Стойте! Я же пошутил! Ха-хаха! Я пошутил! Слоите! Приветик вам от капитана! Стойте же! Дуу!.. Где вы?! – кричал Дырка, слушая, как топают ботинки друзей.

Он шагнул в сторону и упал с перрона.

– «Проклятье!.. – завопит разбойник.

– «...лятье!» – громко повторило эхо.

Шпион вскочил на ноги, размахивая пистолетом.

– Скорей, Карандашик, скорей! – торопил Самоделкин.

Редкие фонарики светили на дорогу, где-то позади бежал Дырка и кричал:

– Не уйдёте, мерзавчики! Попались!

Так они бежали всю короткую подземную ночь к следующей станции.

Где-то наверху, на земле, рано утром подошёл к станции Монтёр. Он вынул из кармана ключи и стал отпирать большие двери как раз в ту минуту, когда Самоделкин и Карандаш бежали по лесенке наверх, перескакивая со ступеньки на ступеньку. (По ночам лесенки в метро сами не двигаются.)

Дырка прыгал за ними, стараясь поймать когонибудь за ногу.

– Стойте! – умолял он. – Стойте, вам говорят! Станция заперта! Бежать некуда! Некуда!!! Не спешите, гадкие мальчишки, а то я задыхаюсь! Ух, как я устал! Ух!..

Шпион в изнеможении сел на последней ступеньке передохнуть.

Бледный Карандаш и мрачный Самоделкин стояли перед ним.

Бежать было некуда.

«Всё пропало!» – подумал Карандаш.

– Хе-хе-хе! Хи-хи-хи! – радовался Дырка. – Ух, как я устал! Посидим поговорим. О том о сём. Ой, как мне вас жалко! Хи-хи-хи! Эй ты, пустая железная банка! Я развинчу тебя на кусочки!

Он показал Самоделкину отвёртку, ту самую, которую стащил однажды ночью у Слесаря, когда Самоделкин придумал махатели.

Вдруг на станции стало светло-светло. Это Монтёр включил свет.

Неподвижная лесенка, на которой сидел Дырка, неожиданно побежала вниз.

– Какие глупые шутки! – возмутятся Дырка. – Помогите! Остановите! Караул!!

Но лесенка-чудесенка понесла разбойника вниз, подальше от наших маленьких измученных друзей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ, в которой петух становится будильником

В городе начинался новый хороший день. Усталые друзья вышли на улицу.

– Ой, как я спать ха-ааа-ачу! – зевнул Карандаш. – Пойдём домой, Самоделкин.

– Подожди, – сказал Самоделкин. – Посмотри, куда мы с тобой попали!

Вся улица была украшена разными флагами. На станции метро висел огромный плакат:

РЕБЯТА!

В НАШЕМ ГОРОДЕ СЕГОДНЯ БОЛЬШОЙ ПРАЗДНИК ЮНЫХ ТЕХНИКОВ

Каждый мальчик и каждая девочка может принять участие в празднике!

Сначала по дворам, по улицам и переулкам будет большой поход под названием

СБОР МЕТАЛЛИЧЕСКОГО ЛОМА

Кто соберёт больше металла, тот станет победителем!

Ровно в 12 на Весеннем проспекте начнётся

ПАРАД ЮНЫХ ТЕХНИКОВ,

А через одну минуту после парада вручение наград победителям праздника

ИГРЫ! КИНО! ВЕСЁЛЫЕ КОНЦЕРТЫ!

– Карандашик, мы останемся тут! Мы найдём Прутика на параде!

– Я согласен, только да-ааа-авай посидим немножко, а то я устал.

– Правильно, – сказал железный человечек. – Давай посидим. Ноги у меня тоже не железные...

На дороге сидеть неудобно, поэтому Карандаш и Самоделкин забрели в маленький, но густой сквер, залезли в кусты, легли на мягкую тёплую траву.

Летний ветерок шевелил травинки. Они шекотали Карандаша и Самоделкина. Пичужки на дереве зачирикали песенку, похожую на колыбельную.

– Я, кажется, за-ааа-сыпаю, – жалобно сказал Карандаш.
– Я то-ооо-же...
– Но мы с тобой можем проспять весь парад!
– Можем.
– Как же быть?
– Нарисуй, пожалуйста, будильник. Мы его заведём, и он разбудит нас ровно в двенадцать минута в минуту.
– Я не умею рисовать будильники.
– Тогда нарисуй петуха.

– Петуха? Ха-ха, – слабо засмеялся Карандаш, не открывая глаз.
– Пожалуйста, не спи. Рисуй петуха!
– Ты надо мной смеёшься. Зачем я буду рисовать петуха?
– Петухи всегда кричат в одно и то же время. Раньше по ним даже время узнавали. Нарисуй петуха. Он закричит ровно в двенадцать, и мы проснёмся.

Через полминутки Самоделкин и Карандаш крепко спали. А рядом разгуливал нарядный важный петух Будильник. Он клевал букашек и помахивал ярким разноцветным хвостом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ, в ней Карандаш и Самоделкин попадают в плен

Шпион, злой, как побитая собака, вышел из метро.

– Негодяйчики! – бормотал он, вынимая увеличительное стекло. – Куда вы сбежали, маленькие негодяйчики?

Он стал разглядывать асфальт, но нигде не нашёл никаких следов. Первые утренние прохожие с удивлением смотрели на шпиона, поэтому Дырка поспешил спрятать своё стекло в карман.

По улице проехали автомоби-фургоны с надписями:

«КОНФЕТЫ, ШОКОЛАД, МОРОЖЕНОЕ».

Конфеты, шоколад, мороженое и сорок две тысячи самых вкусных вещей везли на праздник. Голодный шпион провожал автомобили завистливыми глазами, крутил носом.

«Ко-ко-ко!» – послышался непонятный для шпиона звук. Этот звук шёл из маленького сквера.

Любопытный Дырка на цыпочках подошёл, осторожно раздвинул кусты и чуть не закричал от радости, но вовремя запихал в рот собственную шапку.

– Хе-хе! – прошептал Дырка, выплёвывая шапку. – Вот они! Готовенькие, лежат, как на тарелочке! На этот раз вы меня не проведёте! Спите, голубчики, спите! Баиньки-баиньки. Ночь настанет, я вас разбужу. Хе-хе! Тебя, железное чучело, я сначала попугаю хорошенько, а потом развинчу на мелкие части. А тебя, жалкий мазилка, уведу на мой корабль! Баиньки-баиньки...

– Ко-ко-ко! – сердито произнёс петух.

– Цыц,дохлая курятина! Разбудишь!

– Ко-ко-ко! Ко-ко-ко!

– Ах ты, цыплёнок жареный-пареный! – прошипел Дырка. – Ну, погоди же!.. Поди сюда. Ну поди!..

Он поманил петуха пальцем. Гордый петух и не думал подходить. Разбойник сделал вид, что сыплет на землю какие-то крошки.

– Цып-цып!

– Ко-ко? – спросил петух недоверчиво.
– Цып-цып-цыпоники! – умильно звал разбойник, сделав добренькое лицо.
Глупый петух подошёл и сказал:
– Ко-ко!

Шпион бросился на него, как лиса. И Будильника не стало.
Разбойник собрал сухие листья, наломал веток, развёл костёр, ошипал петуха и зажарил.

Никто не видел дымок от костра. Люди смотрели в другую сторону.
В городе забили барабаны, заиграли серебряные трубы. На улицу вышли отряды мальчиков и девочек. С ними рядом ехали нарядные грузовики с надписями:

«ДЛЯ МЕТАЛЛА».

Начался большой поход.

Раскрылись окна в домах. На балконах старушки звали:
– Ко мне зайдите, ребята! У меня чайник старый.
Он больше не чинится!
– Подумаешь, удивила! – кричала другая старушка. – У меня самовар! Держите, ребята, я вам его на верёвочке спущу.
– К нам, ребята! Зайдите к нам! – раздавалось отовсюду.

Люди сами выносили разные ненужные металлические предметы. Ребята складывали в грузовики дырявые сковородки, худые чайники, старые велосипедные колеса и многое другое.

Дежурные связные на роликовых коньках спешили к полотняной палатке. Они везли в Штаб юных техников рапорты о количестве собранного металла.

Били барабаны, играли трубы, но Самоделкин и Карандаш ничего не слышали. Так они крепко спали.

Разбойник обглаживал петушиные косточки, урчал, как сытый барбос.
– До чего же вкусно! Каждый день буду заставлять мазилку рисовать курицу. Только жарить неохота. Пускай рисует жареную, хе-хе!

На городской башне часы пробили двенадцать. Большой оркестр заиграл весёлую музыку. По Весеннему проспекту стройными рядами пошли юные техники, юные мастера.

Между ними шёл маленький Прутик, нарисованный мальчик.

Ребята несли модели самолётов, ракет, спутников, кораблей, машин, комбайнов, тысячи самых разных моделей. Самолёты жужжали пропеллерами: спутники, сигналя, кружились над головами. Ракеты старались вырваться из рук в синее небо.

Горожане кричали с балконов «ура» и кидали цветы. Все видели плакат, который нёс маленький Прутик:

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО НАЙДИ КИЛО МЕТАЛЛА!

Самоделкин и Карандаш не видели Прутика.

– Баиньки-баиньки! – шипел разбойник.

А над городом полетели воздушные шары, голубиные стаи. На площади Победителей на высокую трибуну поднялись победители праздника. Три весёлые девочки и три весёлых мальчика.

Им подарили велосипеды и фотоаппараты.
– Ура! Ура! – закричали все.
Самоделкин проснулся. Он открыл один глаз и моментально закрыл, увидев шпиона.
– Ой, какой страшный сон мне приснился!
– Это не сон! – сказал проснувшийся Карандаш. – Мы в плену!
– Тихо, не шумите! – разбойник вынул пистолет. – Сидите смирно! Когда стемнеет, пойдёте со мной!
– Где наш Прутик? – вздохнул Карандаш. – Он без нас пропадёт, он та-кой маленький...

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ – о том, как пират помог Карандашу и Самоделкину

Праздники почему-то всегда проходят быстро.
Наступил вечер. На улицах весёлые горожане пели песни, танцевали, покупали мороженое, конфеты, шоколад.

По самым тихим, пустынным переулкам брели два печальных друга и один весёлый разбойник.

– Я, пожалуй, не стану тебя развинчивать, – издевался бандит. – Я брошу тебя в реку! Ты железный, ты не любишь воду...

Гордый Самоделкин, железный человечек, не ответил. Он старался придумать, как спасти Карандаша, волшебного художника. Но пистолет, огромный страшный пистолет! Самый храбрый, самый сильный человек на свете боится пистолета. Маленький Самоделкин тоже боялся.

– Топай! Топай! – командовал Дырка. – Вот и кораблик уже видно! Замечательный кораблик!

Они вышли на Тихую набережную, к берегу реки, там, где стоял трёхмачтовый корабль «Прутик». Навстречу им бежал, как вы думаете, кто?

Капитан Буль-Буль!

– Мы погибли! – прошептал Карандаш. – Конец! Прощай, Самоделкин!

Но почему так задрожал разбойник Дырка?

– Предатель! Подлый предатель! – ревел капитан Буль-Буль, подбегая. – Предатель!

– Не подходите ко мне! Стрелять буду! – заверещал Дырка, наводя пистолет на пирата. Но рука его так дрожала, как будто он держал не пистолет, а малярную кисть и красил этой кисточкой стенку. Туда-сюда, туда-сюда.

Пират налетел, как буря. Дырка пискнул, и разбойники покатались по мостовой, тузя друг друга.

– Убивают! Помогите!.. – вопил Дырка. – Мамочка!

– Болотная каракатица! – рычал пират, разбивая нос приятелю.

– Я больше не буду! Я пошутил! – орал Дырка. – Я пошутил!

– Получай за свои шуточки, слизняк! – отвечают пират, метко попадая кулаком приятелю в ухо.

– Я Карандаша ловил! Я поймал! Я хороший! Я самый честный!..

Ни один честный человек на земле никогда не был шпионом, зато каждый шпион любит говорить о том, как он честен.

Пират, который хотел выдернуть из макушки приятеля клочок волос, перестают драться.

– Так чего же ты мне сразу не сказал? Ну-ка, показывай Карандаша!

– Пока-азывай! – передразнил шпион. – Как бы не так! Убежали!.. Ой, больно! Ааа!..

– Догнать! – командовал пират. – За мной! Клякса, вперёд, собачья душа!

Дырка, вытирая слёзы, поспешил за ним.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ, самая печальная

Карандаш и Самоделкин спрятались под высоким пролётом Радужного моста. Но чёрная Клякса понеслась туда, где прятались беглецы.

– Кошку! Нарисуй кошку! – прошептал Самоделкин.

Дрожащими руками Карандаш нарисовал ершистую злую кошку.

«Мяу!» – противно заняла кошка, выгибая спину при виде Кляксы.

Чёрная Клякса, не стерпев такой наглости, с пронзительным лаем бросилась к ней. Кошка нырнула в переулок. Собака и разбойники тоже свернули в переулок.

Самоделкин и Карандаш побежали по Тихой набережной.

«Тяф-тяф!» – послышалось далеко позади.

– Скорей, Карандашик! Скорей!..

Но бандиты, проклиная глупую собаку, спешили к набережной.

Беглецы громко стучали в двери домов, звали на помощь, но им никто не открыл. Все ушли на Весенний проспект.

В одном переулке мимо проехал автомобиль. Не простой, а поливальный автомобиль. Он поливал чистой холодной водой мостовую, тротуары, кусты и деревья.

Размахивая руками, Карандаш и Самоделкин побежали к нему.

– Дяденька, стойте! Подвезите нас! Разбойники за нами гонятся!

Но Водитель не услышал. Он подумал: «Ну и народ эти мальчишки! Даже по ночам лезут в мои фонтаны». Подумал и уехал, насквозь промочив Карандаша и Самоделкина.

«Гав-гав-гав!»

Их настигали разбойники.

– Подожди, – сказал Карандаш Самоделкину, – я нарисую полотенце. Тебя надо вытереть, а то ты заржавеешь от воды.

– Некогда! Скорей! Скорей! Бежим!

Но Карандаш вдруг заметил, что Самоделкин отстаёт.

– Ой, как ты плохо выглядишь! Ты, наверное, заболел?

«Я ржавею, – печально подумал железный человечек, – я не могу бежать быстро!» А сам сказал:

– Это я нарочно бежать не хочу! Я знаю, что надо сделать! Я стану драться!

– Ты совсем больной!

– Нет, я не больной! Беги скорей! Они ловят не меня, а тебя. Ты нужен разбойникам! Беги! Я стану драться! Я им покажу! Я наставлю им шишек! Я самый храбрый! Я самый сильный! Вот увидишь!

Он запрыгал на месте, как боксёр, готовый к бою. Самоделкин так воинственно размахивал руками, что Карандаш поверил ему.

– Хорошо, я побегу! Я позову милицию!

Он поцеловал друга и убежал.

– Ага, попался! – крикнул пират Самоделкину. – Где Карандаш?

– Не видать вам Карандаша!

– Я тебя стукну! – рассвирепел пират.

– Ах ты, бородатый веник! – воскликнул Самоделкин. – Поди сюда, я сделаю твою бороду лысой!

– Что-ооо?! – капитан Буль-Буль позеленел от ярости.

– Бей! – науськивал Дырка. – Подавай, Самоделкин, Карандаша, не то стрелять буду!

Но маленький железный человечек не дрогнул. Он зазвенел, он засмеялся!

Тогда шпион Дырка навёл свой страшный пистолет и выстрелял.

Пуля ударила в грудь Самоделкина, звякнула и отскочила.

– Пуля не пробивает меня! Ура!!! – Самоделкин подпрыгнул на своих пружинках и

стукнул разбойника Дырку железной головой.

Дырка шлёпнулся на мостовую.

– Победа! – кричал Самоделкин, стучая пирата.

Капитан Буль-Буль заревел от боли. Но раненый Самоделкин, ржавеющий Самоделкин тоже не устоял на ногах. Он упал. Все качнулось перед его глазами. Чёрная Клякса тянула его за пятку.

Бородатый разбойник налетел на него с кулаками.

– Бей Самоделкина! – голосил Дырка, лёжа на мостовой. – Бей! У него силы кончаются! Бей!..

Самоделкин подпрыгнул – и трах! Бородатый, лязгнув зубами, грохнулся на шпиона.

– Караул!.. – взмолился придушенный Дырка.

– Победа! – сказал Самоделкин еле слышно. Руки и ноги двигались у него с большим трудом.

Хитрый шпион Дырка незаметно вынул из кармана магнит, украденный в магазине игрушек, протянул магнит к Самоделкину, и железный человечек упал, потеряв сознание. Он прилип к магниту.

– Хе-хе! – прохрипел Дырка. – Побе-еда-а...

– Поо-беда! – простонал капитан Буль-Буль. – Надо связать его!

Разбойники связали бедного Самоделкина.

– Вот когда я развинчу тебя на мелкие кусочки, гадкий железный мальчишка!

Разбойник вынул отвёртку, ту самую, которую стащил у Слесаря. Он взял её за один конец, потом за другой, повертел, даже понюхал для чего-то. Но как пользоваться таким инструментом, разбойники не знали. Раньше им никогда не приходилось работать отвёрткой. Поэтому ничего у них не вышло.

Дырка забросил отвёртку. Она зазвенела и куда-то провалилась.

– Там дырка! – сказал бородатый разбойник.

– Я не там, я здесь! – ответил Дырка.

– Это я не про тебя, – сказал пират. – На мостовой дырка! На дырке решётка!

И правда, на мостовой было небольшое отверстие, накрытое чугунной решёткой. В каждом городе на мостовой бывают такие решётки. Это водостоки. Туда сбегает вода после дождика.

Глаза у шпиона сверкнули.

– Мы швырнём туда Самоделкина! Там водичка бежит, хе-хе, в речку бежит! Он утонет и никогда не будет нас колотить!

– Куда водичка бежит, я не знаю! – гаркнул капитан Буль-Буль. – А вот мазила Карандаш сам ко мне бежит!

По тёмному безлюдному переулку изо всех сил бежал Карандаш. Он услышал выстрел. Он летел на помощь другу.

– Не трогайте Самоделкина! Пожалейте Самоделкина!

– Как бы не так! – разбойник Дырка тянул неподвижного Самоделкина к решётке водостока.

Отчаянный Карандаш бросился на вооружённых разбойников. Он плакал, он кричал и брыкался. Но разбойники связали его, запихнули в мешок, а потом бросили Самоделкина в решётку водостока.

Слышно было, как внизу шумит вода...

Погиб маленький железный человечек! Погиб Самоделкин! Карандаша унесли разбойники! Я не могу больше рассказывать. Я не скажу ни слова, кроме слова КОНЕЦ.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ – о том, как Веня Кашкин собирал металлический лом

Я не хотел ничего рассказывать, но в переулке вдруг появился Веня Кашкин. Веня был не в духе. На парад его не пригласили. Он тоже собирал металлический лом. Сначала подобрал на улице урну для мусора. Но ему сказали:

– Это не лом. Это очень полезная вещь для тех ребят, которые покупают на улице мороженое в картонных стаканчиках или в бумажке...

Но Веня дослушивать не стал. Он плюнул с досады в эту самую урну, поставил её на самой середине площади, ну и, конечно, ушёл обиженный домой, смотреть передачу по телевизору.

Он включил телевизор и увидел на экране тот самый праздник, на который не пригласили Веню Кашкина.

Веня долго смотрел, как веселятся ребята. Он говорил сам себе: «Невидаль какая, железки собирать! Я такими пустяками заниматься не стану!»

А на экране телевизора все плясали, танцевали на той самой площади, на которой стояла Венина урна, и ребята бросали в неё стаканчики от мороженого.

Кашкин выключил телевизор. Ему стало совсем скучно. Веня вышел на улицу. И вот когда он проходил по Тихой набережной, ему показалось, будто за угол крайнего дома свернули два человека с мешком.

Веня, посвистывая, глядел на мостовую. А на чистой, вымытой мостовой, кроме решётки водостока, ничего не увидишь, если никто ничего не потеряет.

Веня подошёл к решётке, он проходил мимо.

«Там что-то блестит».

Веня просунул руку сквозь решётку и вытащил Самоделкина вместе с магнитом.

Не может быть! Неужели Самоделкина?

Да! Самоделкина! Железный человек не упал под землю. Магнит прилип к металлической решётке. Самоделкин повис на магните. Под ним, клопоча, бежала вода. Но Самоделкин больше ничего не видел и не слышал.

– Железка! Металлический лом! – обрадовался Веня Кашкин. – Я сам нашёл! За это мне дадут велосипед! А ещё – фотоаппарат! Все лопнут от зависти... Побегу на площадь Победителей!

Он побежал, размахивая железным человечком.

Па площади Победителей Веня Кашкин гордо вошёл в Штаб юных техников и протянул свою находку.

– Молодец! – похвалили Веню Кашкина. – Ты принёс какие-то непонятные ржавые детали. Но металл крепкий, настоящий. Мы отправим его на завод, в переплавку. Из этого металла сделают игрушку, а может быть, настоящую машину. Ты хочешь мороженого?

– Где у вас тут фотоаппараты?

– Аппаратов больше нет.

– Ладно! Дайте мне скорей велосипед, а за фотоаппаратом я завтра приду.

– Мы все велосипеды раздали нашим победителям. Ты принёс один килограмм девяносто граммов железного лома. А первый Победитель собрал двадцать один килограмм...

Веня ушёл с пустыми руками, стал бродить по улицам и вдруг на площади заметил урну. Ту самую, которую хотел сдать как металлический лом.

– Ага, попалась!

Он так её стукнул, так наподдал!

Урна с грохотом покатилась, бумажные стаканчики посыпались. Никто ничего не заметил – так всем было весело. Веня догнал урну, стукнул ещё раз и побежал вместе с ней в сторону Тихой набережной.

– Ты во всём виновата! – злился Веня Кашкин. – Я тебя гвоздиком продырявлю, потом сдам как металлический лом. Тогда никто не скажет, что ты полезная вещь!.. Нет, пожалуй, дырявить я тебя не буду. Все равно велосипедов больше нет. Я брошу тебя в речку. Для смеха!

Веня Кашкин с грохотом приближался к Тихой набережной, к ночной реке, по тихим переулкам.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ, в которой Веня Кашкин становится морским разбойником и кричит: «Мамочка!»

На корабле разбойники вытряхнули Карандаша из мешка и развязали его.

– Миленький Карандашик, – стал подлизываться Дырка. – Мы тебя очень и очень просим. Нарисуй нам для начала пирожное.

– Бочку вина! – потребовал пират. Как все настоящие пираты, про которых пишут в книжках, он любил пить вино. – Вина! У меня пересохло в горле!

– Я ничего не стану рисовать, – тихо, но твёрдо сказал Карандаш. – Вы погубили Самоделкина. Я умру, но рисовать не буду!

– Не будешь?! – нахмурился пират. – А вот я тебя стукну! Рисуй, тебе говорят! Ну-ка, живо!

Но маленький художник ничего не ответят. Он печально смотрел в корабельное окошко на тёмную воду, которой так боялся храбрый Самоделкин.

Как ни упрасивали разбойники, как ни грозили, Карандаш не сказал ни слова.

– Запереть его! Связать его! Пускай сидит голодный!

– А как же мы?

– Ерунда! – махнул бородой пират. – Настреляем две дюжины голубей. Будем есть жареную голубятину! Завтра мой корабль уплывёт из этого скверного городишка, выйдет в открытый океан, а я заставлю мазилку рисовать! На этом корабле я капитан! Завтра я скоманую: «Поднять паруса!..»

– А кто же будет их поднимать? – робко спросил Дырка.

– Матросы, конечно!

– М-матросы! Какие матросы? Где у нас матросы?

– Если я капитан, – ответил пират, – стало быть, матрос – это ты.

– Я не матрос! Я не умею поднимать паруса! Я слабенький! – заныл шпион.

– Ерунда! Пустяки! Я тебя научу! Конечно, ты слабоват. На моём корабле нет настоящей команды.

Вот бы нам сюда ещё одного разбойничка! – сказал капитан Буль-Буль.

На берегу раздался непонятный грохот. Разбойники выскочили на палубу. Веня Кашкин гнал урну к пристани Плавающего магазина. Урна гремела и звенела, подпрыгивала, стараясь удрать от Вени, как мяч от футболиста. Но Веня догонял урну и колотил её ногами. Веня порядком намял ей бока.

– Удар! – кричал Веня. – Ещё удар! Гол!

Вене стало даже весело. Гремит, шумит, и никто не ругает. Никого нет: все на празднике.

– Ах ты, разбойник!

Это на третьем этаже распахнулось окно, и сонная старушка выглянула наружу.

– Ты что же это делаешь?! Вот я тебе задам, разбойник ты этакий!

– Он разбойник! – воскликнул Дырка. – Вы слышали, капитан? Это разбойник! Нам как раз его не хватало. Он будет матросом! А я тоже хочу командовать!

Капитан Буль-Буль затряс бородой, выпятил грудь.

– Эй, уважаемый разбойник! Не хотите ли ступить на мой корабль? Я капитан корабля. Подойдите сюда!

– Кто? Я на корабль? – не веря своим ушам, спросил Веня.

– Конечно, вы! Прошу вас подняться на палубу!

Веня, зачарованный, подошёл к парпету. Перед ним, покачиваясь на речных волнах, стоял удивительный парусный корабль!

– Салют! – скомановал капитан Буль-Буль. – Орудийный салют!

Это было совсем как в кино. Ударили пушки. Белый пороховой дым поднялся над мачтами. На третьем этаже моментально захлопнулось окошко.

– Ура! – кричал разбойник Дырка.

– Вот здорово! – засмеялся Веня Кашкин.

С корабля на берег положили узенький деревянный трап. Волны подогнали корабль к самому берегу. Веня спрыгнул на палубу. Сначала капитан обнял Веню, как старого друга, пощекотал его своей рыжей бородой. Потом шпион Дырка похлопал его по плечу.

– Здорово, дружище! – подмигнул пират. – Как делишки? Много ли награл?!

– Я? – удивился Веня. – Я не грабил...

– Рассказывай! Ха-ха-ха! Так мы тебе и поверили! Ты же разбойник! Скажи нам свою разбойничью кличку.

– Чего? Какую кличку?

– Ну, того... как тебя зовут?

– Меня зовут Веня.

– А я – капитан Буль-Буль.

– Вы, наверное, знаменитый капитан, – сказал Веня. – Я вас где-то видел.

– Конечно, я знаменитый! Хочешь плавать со мной по морям, по волнам? Лево руля, право руля?

– Хочу! – воскликнул Веня Кашкин. – Хочу лево руля! И право руля!

– Отлично! Беру тебя в свою банду... то есть команду. Вместе будем разбойничать! Стрелять, палить, грабить!

– Я не умею грабить, – сказал Веня.

– Хи-хи-хи, какой шутник! – засмеялся Дырка. – Неужели ты никогда не отбирал и не топил чужие кораблики?

– Ха-ха-ха! Мы тебя научим! – сказал пират. – У нас теперь настоящая команда! Мы с тобой братья-бездельники... тьфу... разбойники!

– Я не разбойник, – пролепетал ничего не понимающий Веня. – Я не хочу грабить!

Он только сейчас разглядел разбойничьи физиономии, кривые ножи, пистолеты. Веня стало страшно.

– Чего же ты хочешь?! – помрачнел пират.

– Я хочу плавать. По морям, по волнам...

– Плавать? Слышишь, Дырка, он хочет плавать! Лево руля, право руля! А ещё чего ты хочешь? – злорадно спросил капитан.

– Домой хочу! – всхлипнул Веня Кашкин.

– Измена! – рявкнул пират, – Измена! Бежать хочешь?! Повесить его на мачте, негодяй!

Капитан схватил верёвку, но Дырка зашептал ему на ухо:

– Не вешайте его, капитан. У нас не будет матроса.

Веня заревел от страха:

– Я ма-ме скажу!

– Га-га-га! – засмеялись разбойники. – Го-го-го!

– Мамочка! – вскрикнул Веня.

Он хотел прыгнуть на берег. Но разбойники схватили его, связали, втолкнули туда, где сидел Карандаш, и заперли на замок.

По набережной, гудя моторами, проехали грузовики с надписями на кузовах:

«ДЛЯ МЕТАЛЛА».

Грузовики ехали на другой конец города. К площади Сталевара.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ, про Сталевара и варёные гвоздики

Ты видел, как варят кашу? Или картошку? Кашу можно варить. Её не очень трудно варить. А можно ли варить железные гвоздики? Так сварить, чтобы гвоздики стали жидкими? Это мы сейчас узнаем.

На дальнем конце города, на площади Сталеваара, всю ночь работал большой завод. На этом заводе стояли огромные каменные печи.

Там горел такой жаркий, такой ослепительный огонь, что на него просто нельзя было смотреть. В этих печах варили металл. Он был горячий, как пламя, жидкий, как сметана. Он таял, как мороженое на плите.

К печи подошёл Сталеваар. Так его называли потому, что он умел варить любую самую твёрдую сталь. Он поглядел на расплавленный металл через тёмное стёклышко и сказал:

– Всё в порядке!

Тут Сталеваара позвали к телефону.

– Сталеваар слушает, – сказал он в телефонную трубку.

– Зайдите, пожалуйста, на склад, – ответили ему. – Посмотрите, какой металл нам прислали ребята.

– Хорошо. Скоро кончится моя смена. Я обязательно приду!

Когда настало утро и кончилась на заводе ночная смена, Сталеваар, сняв рабочий костюм, пошёл на склад.

– Отличный металл прислали ребята! – похвалил он. – Молодцы ребята! Но что это за машинка такая смешная?

– Какая машинка? – спросил Кладовщик. – Ах, вот эта? Я сам не пони-маю. Пружинки, винтики, странная машинка! Но раз она попала к нам – значит она больше никому не нужна такая ржавая. Надо её расплавить, а из металла сделать какую-нибудь полезную штуку. Но постойте, она похожа на человечка! Вам не кажется?

– Да, в самом деле похожа. Это, по-моему, игрушка. Испорченная игрушка! Знаете что, подарите её, пожалуйста, мне. Мой сын Тима недавно стал Юным Техником. Он починит игрушку.

– Пожалуйста, берите. Но вашему сыну придётся много поработать, чтобы её починить.

– Моему сыну это будет полезно. Мой сын Тима хочет стать мастером. Самым настоящим, а не просто так. Спасибо вам. До свиданья!

– До свиданья!

Сталеваар сел на пятнадцатый троллейбус и доехал до Чистого переулка. Под мышкой в газете у него был завернут маленький заржавленный металлический человечек.

Сталеваар поднялся на шестой этаж, позвонил в квартиру № 21, и ему открыл мальчик по имени Тима. Ну да, конечно, тот самый Тима! Вы разве не знали, у Тимы папа Сталеваар?

– Здравствуй, папка! – сказал Тима.

– Здравствуй, сын. Вот получиай подарок – металлического человечка. Посмотри, подумай, что нам с ним делать, как его починить.

– Надо вымыть в керосине, почистить, подкрутить винтики, покрасить, – сказал Тима.

Он ещё раз посмотрел на папин подарок и вдруг закричал:

– Я его знаю! Папка, это Самоделкин!

– Какой Самоделкин?.. Ах да! – вспомнил папа. – Я его не узнал! Он совсем развинтился! Наверное, случилась какая-нибудь беда! Надо его скорей починить! Бедный Самоделкин!

Тима вымыл Самоделкина в керосине, почистил наждачной бумагой так, что металлический человечек заблестел как новенький. Тима взял отвёртку, накрепко подвинтил все винтики. Потом вытер Самоделкина чистой тряпочкой, взял эмалевую краску и раскрасил его в новый наряд. Самоделкин стал очень красивым. Но метастатический человечек не шевелился.

– Что же делать? – пожал плечами Сталеваар.

– У меня, – признался Тима, – наверное, ничего не получится. Папка, я сбегаю во

Дворец юных техников, приведу сюда знаменитого Карандашкина. Прутика! Он такой знаменитый, такой мастер! Он починит!

– Э, нет! Подожди, – остановил папа. – Мы отнесём туда Самоделкина. Мастеров, конечно, там немало! Признаться, я не очень верю в Карандашкина...

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЁРТАЯ, в которой бегают ковры и разговаривают двери

Дворец юных техников стоял на Конструкторской улице. Тима и Сталевар подошли к высокой двери, на которой не было никаких ручек. Но дверь сама распахнулась перед ними.

Она была автоматической, она вежливо сказала: «Добро пожаловать!»

Красивый мохнатый ковёр на полу вдруг побежал под ними, как лесенка в метро, и сказал человеческим голосом:

– Вам в какую секцию?

Ковёр тоже был автоматическим.

– Мы ещё не знаем, – ответил Сталевар, и мохнатый ковёр остановился.

В огромном зале висел портрет знаменитого Прути Карандашкина. В левой стороне зала несколько ребят возились у непонятной машины, стучали, подкручивали, сверлили.

– Мы делаем автоматический гардеробщик. Он сам будет снимать с гостей пальто и калоши, – сказали ребята Сталевару, когда он подошёл к ним.

– Ребята, – сказал Сталевар, – мы принесли к вам железного человечка. Он испортился. Надо починить. Кто может это сделать?

– Прутя Карандашкин! – сказал Тима.

– Конечно, – согласились ребята. – Карандашкин такой знаменитый мастер, лучше его никто не знает!

– Позовите, пожалуйста, Карандашкина, – попросил Сталевар, Тимин папа.

– Что вы, – сказали ребята, – придётся подождать. Карандашкин очень занят. К нему припри Представители фабрики мороженого по важному делу. Он дегустирует эскиммо под названием «Прутик». Новое мороженое!

– Очень важное дело – дегустировать новое мороженое, – сказал Сталевар, – попробовать мороженое – по-научному называется дегустировать. Но я всё-таки прошу позвать Карандашкина. С металлическим человечком мучилась большая беда!

Ребята взглянули на неподвижного Самоделкина, покачали головами, потом нажали какие-то блестящие кнопки на стене. В зале раздался протяжный сигнал тревоги. На экране телевизора вспыхнуло изображение. Все увидели комнату, в которой сидел Прутя Карандашкин и уплетал мороженое.

– Кто меня вызывает? – недовольно спросил он.

– Нужна твоя помощь! – сказали ребята. – Скорая, неотложная помощь!

– Разве не видите? Я занят!

– Извини, пожалуйста, но дело серьёзное, без тебя никто не решается.

– Ну, если так, – важно пропищал Карандашкин, – я зайду на минутку.

Он вошёл не торопясь, как полагается входить знаменитому человеку.

– В чём дело?

– Пожалуйста, почини железного человечка...

Прутик взглянул на Самоделкина и бросился к нему со всех ног.

– Самоделкин! – закричал он. – Самоделкин, почему ты не прыгаешь? Кто тебя сломал?!

– Надо починить! Он расскажет, кто его сломал, – заметили ребята.

– Я... я не могу починить, я не умею, – всхлипнул маленький Прутик и горько-горько заплакал. – Я ничего не умею! Кораблик мастерил не я, кораблик мастерил он,

Самоделкин. Бедный Самоделкин! – говорил мальчик, размазывая слёзы по щекам.

– Не будем терять времени, – спокойно сказал Сталевар. – Кто может исправить железного человечка?

– Мы! – ответили ребята.

– Я попробую! – воскликнул Тима.

– Отлично! Берите инструменты! Мне кажется, надо проверить ещё раз винтики.

Ребята подкрутили осторожно каждый винтик железного человечка, проверили каждую пружинку.

И вот Самоделкин открыл глаза.

– Прутик? Тима? Как вы сюда попали? Где разбойники?! Где Карандаш?! – закричал Самоделкин, вскакивая на ноги. – Разбойники погубят Карандаша! У них пистолеты! Они захватили корабль!

– Какие разбойники? Какие пистолеты? – пожал плечами Сталевар.

– Морской разбойник и шпион Дырка!

– Понятно, – вздохнул Сталевар. – Бедный железный человечек начитался книг про шпионов и разных морских разбойников...

– Спешите на Тихую набережную! Спасайте Карандаша! – звал железный человечек.

– Спасите папу Карандаша! – плакал маленький Прутик.

– Папка, выручай! – сказал Тима.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ, в ней кончается наша история

Корабль «Прутик» с черным разбойничьим флагом на корме уходил в далёкое плавание. В тесной каюте сидели связанные по рукам и ногам пленники. На корабельной палубе стоял бравый капитан с рыжей бородой, в тельняшке на волосатой груди, с большим пистолетом за поясом.

– Поднять паруса! – командовал капитан БульБуль.

Он командовал так двадцать шесть раз. По мачтам лазил босоногий злой матрос Дырка. Он пыхтел, сопел, ругался. Он поднимал паруса уже два с половиной часа и теперь возился с последним парусом.

Вся набережная была полна любопытных мальчишек. Плавающий магазин стоял у своей пристани, поджидая покупателей. Но покупателям сейчас было не до пароходиков.

Парусный корабль уходил в плавание!

В магазине сидел усатый дядя, похожий на моряка. Он смотрел, как поднимают паруса, и говорил негромко сам себе непонятные слова:

– Ну и растяпа! Разве это моряк? Да не так! Не так! Не тяни шкоты на бом-брам-стенгу!..

Рабочие, которые строили на берегу новый дом, остановили подъёмный кран, для того чтобы покурить. Каждому интересно посмотреть, как поплывёт кораблик.

Но вот последний парус надулся ветром.

– Поднять якоря! – скомандовал капитан.

Корабль вздрогнул и медленно стал отходить от берега.

– Стойте! Задержите их! – раздался чей-то громкий голос.

Это к пристани подъехал автомобиль-такси. Хлопнули дверцы, из машины выпрыгнули Тима, Сталевар, Самоделкин и Прутик.

– Задержите их! – сказал Сталевар. – Они разбойники!

– Слышите, оказывается, это разбойники! – зашумели мальчишки. – Настоящие разбойники! Вот здорово!

– Стойте! – приказал Сталевар.

– Где Карандаш? Верните Карандаша! – крикнули Тима и Самоделкин.

Разбойники в страшном удивлении смотрели на Самоделкина.

– Как бы не так! – расхрабрился Дырка. – Счастливо оставаться! Ку-ку! Пока!..

– Заведите, пожалуйста, мотор. Догоните их, – попросил Сталевар усатого дядю, похожего на моряка.

– Я постараюсь. Но у меня в моторе неполадки. Боюсь, я не сразу налажу мотор!

– До свиданьица! – издевались разбойники, танцуя на палубе разбойничий танец. – Ку-ку!

– Что же делать? – сказал Сталевар. – Вплавь я его не догоню. – Он посмотрел вокруг. – Эй, товарищи! – крикнул он рабочим на подъёмном кране. – Достаньте корабль краном! Подцепите-ка его!

Корабль отходил все дальше и дальше. Но, к великому ужасу разбойников, длинная стрела подъёмного крана протянулась над водой, зацепила крюком за верхние канаты и подняла корабль, как пёрышко.

– Караул! – завопили разбойники. – Грабят!

Они заметались на палубе, запрыгали. Корабль качнулся, и разбойники полетели за борт, в речные волны, вместе с чёрной Кляксой.

– Тону! – заголосил Дырка. – Помогите!

– Буль-буль-буль... – забулькал капитан БульБуль, пуская пузыри.

Морской разбойник, знаменитый пират, оказывается, не умел плавать!

– Человек за бортом! – сказал усатый дядя, похожий на моряка.

Он мгновенно прыгнул в речку спасать утопающих.

Корабль опустили на берег. Самоделкин вскарабкался на па-тубу. Сталевар снял замок с дверей каюты, в которой сидели пленники.

Самоделкин вбежал в каюту и долго не показывался.

Вот из каюты вышел Веня Кашкин. Вот разбойников, мокрых и жалких, вынесли на берег. Усатый дядя, похожий на моряка, держал их за шиворот, как щенят.

Вот подъехал на мотоцикле Милиционер.

– Эти самые разбойники?! – спросил он.

– Они самые.

– Так-так!

– Мы нечаянно! – закричали разбойники. – Мы больше не будем!

И все вокруг засмеялись.

– А что вы не будете? – спросил Милиционер.

– Грабить не будем!

– Отлично! Чем же вы станете заниматься?

– Ничем! – поклялись разбойники.

– Так не пойдёт. У нас нельзя «ничем». Работать надо, граждане разбойнички! Работать!

– Мы не умеем работать.

– Первый раз вижу таких людей! Неужели вам не скучно? – удивился Милиционер. – Вы что-нибудь умеете?

– Я умею командовать. Лево руля! Право руля! – похвастался пират.

– А я умею вынюхивать, выслеживать, высматривать, – сказал Дырка.

– Не годится ни то, ни другое. Нечего нам вынюхивать, нечего нам выслеживать, высматривать.

– Ай-ай! – сказали все. – Просто невероятно! Посмотрите на этих мокрых людей! Они, кажется, ничего не умеют делать!

– Он умеет выслеживать? – спросил один гражданин, показывая на шпиона. – Это как раз то, что нам нужно! Я городской Садовник. Он будет работать у меня в садах, на бульварах и в парках. Он будет выслеживать, высматривать, вынюхивать жуков-короедов, гусениц и прочих вредителей.

«Тяф-тяф!» – пролаяла мокрая Клякса. «Я тоже хочу вынюхивать жуков-короедов!» –

хотела сказать она.

– Очень полезная работа – высматривать жуковкороедов, – похвалил усатый дядя, похожий на моряка, и добавил: – А этого подмокшего моряка, горекапитана, я беру в наш магазин. Мне как раз нужен помощник. Будет вылавливать сачком заводные пароходики. На парусном корабле мы устроим филиал магазина.

– Ура! – закричали все мальчишки. – Ура!!

Но кричали они совсем не капитану Буль-Булю, который с этой минуты становился продавцом Плавающего магазина.

Из каюты корабля наконец-то вышли два маленьких друга.

Самodelкин смеялся от радости.

Весёлый художник, улыбаясь, махал рукой всем ребятам.

А ребята, которым Тима и Прутик все успели рассказать, кричали:

– Да здравствует храбрый Самodelкин!

– Да здравствует Карандаш, самый волшебный художник на свете!

– Ура! Ура! Ура!

Сталеvar поднял Тиму на руки, чтобы ему всё было видно.

– Ура! – кричал Тима. – Победа! Ура!

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ, последняя

Через несколько дней на самой красивой площади города, на Ясной площади, каждый мог увидеть и прочитать огромный плакат:

РЕБЯТА!

КТО ХОЧЕТ НАУЧИТЬСЯ РИСОВАТЬ ВОЛШЕБНЫЕ КАРТИНКИ? ПОСТУПАЙТЕ В НОВУЮ ШКОЛУ КАРАНДАША И САМОДЕЛКИНА!

Школа открыта у площади Романтиков, на Мечтательной улице, в доме N 21. В этой школе вас научат рисовать любые волшебные картинки! Дома, которые вы нарисуете на бумаге, вырастут на самых красивых и зелёных улицах. В домах станут жить весёлые, хорошие люди. Они будут ездить в автомобилях, нарисованных вами, они будут носить одежду, нарисованную вами, ходить в театры нарисованные вами. Города, машины, заводы, школы, дороги самолёты – миллион самых полезных вещей – будут нарисованы, придуманы вами! Ракета, которую вы сначала нарисуете, понесёт вас на далёкую Луну! Кто хочет научиться рисовать волшебные картинки,

ПОСТУПАЙТЕ В НОВУЮ ШКОЛУ!

Вас приглашают: Волшебный Художник, учитель рисования *Карандаш* и Главный учёный, Механик-Советник, мастер *Самodelкин* .

Пока ребята записываются в новую школу, Карандаш и Самodelкин отправились в большое-большое путешествие. Они решили все увидеть своими глазами, все узнать и проверить, чтобы в новой школе учить ребят хорошо и правильно.

Прутик, нарисованный мальчик, поступил в подготовительный класс новой школы.

Вот и кончается наш рассказ о маленьком волшебном художнике, о храбром железном человечке, который был самым обыкновенным железным человечком, но умел многое делать не хуже настоящих волшебников. Кстати, скажу вам по секрету, волшебники говорят: «Кто все делает сам, тот обязательно становится волшебником!».